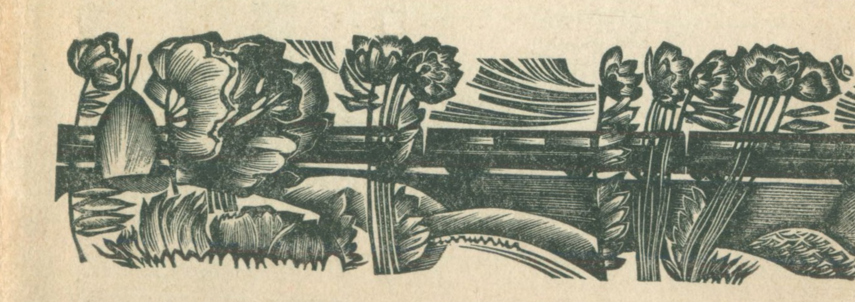
Николай
РУБЦОВ

ИЗБРАННАЯ ЛИРИКА

Николай
РУБЦОВ

Библиотека северной поэзии

НИКОЛАЙ РУБЦОВ

ИЗБРАННАЯ ЛИРИКА

Северо-Западное книжное издательство

1974

Р-2
Р82

Составитель **В. Оботуров**

Гравюры на дереве
Г. и Н. Бурмагиных

7—4—2
24—74

Стихи, отмеченные звездочкой в содержании, публикуются впервые.

СЕВЕРО-ЗАПАДНОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
С-З
КИ

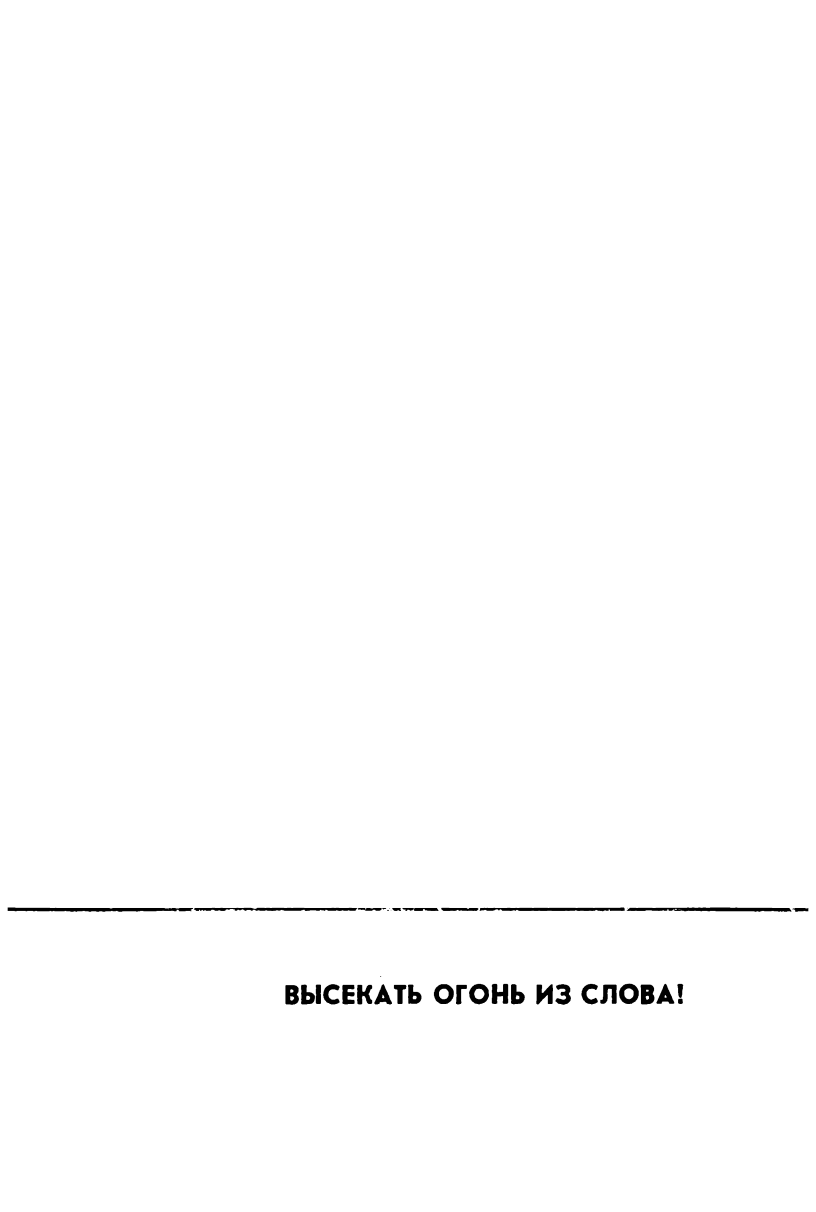
ДО КОНЦА

До конца,
До тихого креста
Пусть душа
Останется чиста!

Перед этой
Желтой, захолустной
Стороной березовой
Моей,
Перед жнивой,
Пасмурной и грустной
В дни осенних
Горестных дождей,
Перед этим
Строгим сельсоветом,
Перед этим
Стадом у моста,
Перед всем
Старинным белым светом
Я клянусь:
Душа моя чиста.

Пусть она
Останется чиста
До конца,
До смертного креста!

ВЫСЕКАТЬ ОГОНЬ ИЗ СЛОВА!

ТИХАЯ МОЯ РОДИНА

Тихая моя родина!
Ивы, река, соловьи...
Мать моя здесь похоронена
В детские годы мои.

— Где тут погост? Вы не видели?
Сам я найти не могу.
Тихо ответили жители:
— Это на том берегу.

Тихо ответили жители,
Тихо проехал обоз.
Купол церковной обители
Яркой травою зарос.

Тина теперь и болотина
Там, где купаться любил...
Тихая моя родина!
Я ничего не забыл.

Новый забор перед школою,
Тот же зеленый простор.
Словно ворона веселая,
Сяду опять на забор!

Школа моя деревянная!..
Время придет уезжать —
Речка за мною туманная
Будет бежать и бежать.

С каждой избою и тучею,
С громом, готовым упасть,
Чувствую самую жгучую,
Самую смертную связь.

ДЕТСТВО

Мать умерла. Отец ушел на фронт.
Соседка злая не дает проходу.
Я смутно помню утро похорон
И за окошком скудную природу.

Откуда только — как из-под земли! —
Взялись в жилье и сумерки, и сырость...
Но вот однажды все переменилось:
За мной пришли, куда-то повезли.

Я смутно помню позднюю реку.
Огни на ней, и скрип, и плеск парома,
И крик: «Скорей!». Потом раскаты грома,
И дождь... Потом... детдом на берегу.

Вот говорят, что скуден был паек,
Что были ночи с холодом, с тоскою —
Я лучше помню ивы над рекою
И запоздалый в поле огонек.

До слез теперь любимые места!
И там, в тылу, под крышею детдома,
Для нас звучало как-то незнакомо,
Нас оскорбляло слово «сирота».

Хотя старушки местных деревень
И впрямь на нас так жалобно глядели,
Как на сирот несчастных в самом деле,
Но время шло, и приближался день,

Когда раздался праведный салют,
Когда прошла военная морока,
И нам подъем объявлен был до срока,
И все кричали: — Гитлеру капут!

Еще прошло немного быстрых лет,
И стало грустно вновь: мы уезжали!
Тогда нас всей деревней провожали,
Туман покрыл разлуки нашей след.

ПАМЯТИ МАТЕРИ

Вот он и кончился,
покой!
Взрывая снег, завыла вьюга.
Завыли волки за рекой
Во мраке луга.

Сижу среди своих стихов,
Бумаг и хлама.
А где-то есть во мгле снегов
Могила мамы.

Там поле, небо и стога,
Хочу туда, — о километры!
Меня ведь свалят с ног снега,
Сведут с ума ночные ветры!

Но я смогу,
но я смогу
По доброй воле
Пробить дорогу сквозь пургу
В зверином поле!..

Кто там стучит?
Уйдите прочь!
Я завтра жду гостей заветных...
А может, мама?
Может, ночь —
Ночные ветры?

УТРО НА МОРЕ

Проснись с утра,
со свежестью во взоре
Навстречу морю окна отвори!
Взгляни туда, где в ветреном просторе
Играют волны в отблесках зари.
Пусть не заметишь в море перемены,
Но ты поймешь, что празднично оно.
Бурлит прибой под шапкой белой пены,
Как дорогое красное вино!
А на скале, у самого обрыва,
Роняя в море призрачную тень,
Так и застыл в восторге молчаливом
Насторожённый северный олень.
Заря в разгаре —
как она прекрасна!
И там, где парус реет над волной,
Встречая день, мечтательно и страстно
Поет о счастье голос молодой!

ОТПЛЫТИЕ

Размытый путь. Кривые тополя.
Я слушал шум — была пора отлета, —
И вот я встал и вышел за ворота,
Где простирались желтые поля,

И вдаль пошел... Вдали тоскливо пел
Гудок чужой земли, гудок разлуки!
Но, глядя вдаль и вслушиваясь в звуки,
Я ни о чем еще не сожалел...

Была суровой пристань в поздний час.
Искрясь, во тьме горели папиросы,
И трап стонал, и хмурые матросы
Устало поторапливали нас.

И вдруг такой повеяло с полей
Тоской любви! Тоской свиданий кратких!
Я уплывал... все дальше... без оглядки
На мглистый берег юности своей.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЗ РЕЙСА

Ах, как светло роятся огоньки!
Как мы к земле спешили издалече!
Береговые славные деньки!
Береговые радостные встречи!

Душа матроса в городе родном
Сперва блуждает, будто бы в тумане:
Куда пойти в бушлате выходном
Со всей тоской, с получкою в кармане?

Он не спешит ответить на вопрос,
И посреди душевной этой смуты
Переживает, может быть, матрос
В суровой жизни лучшие минуты.

И все же лица были бы угрюмы,
И моряки смотрели тяжело,
Когда б от рыбы не ломились трюмы,
Когда б сказать пришлось: «Не повезло»...

ХОРОШИЙ УЛОВ

У тралмейстера крепкая глотка, —
Он шумит, вдохновляя аврал!
Вот опять загремела лебедка,
Выбирая загруженный трал.

Сколько всякой на палубе рыбы!
Трепет камбал — глубинниц морей,
И зубаток пятнистые глыбы
В красной груде больших окуней!

Здесь рождаются добрые вести,
Что обрадуют мурманский стан!
А на мостике в мокрой зюйдвестке
С чашкой кофе стоит капитан.

Капитан, как вожатая птица,
В нашей стае серьезен один:
Где-то рядом в тумане таится
Знаменитый скалистый Кильдин...

ВЕСНА НА МОРЕ

Вьюги в скалах отзвучали.
Воздух светом затопив,
Солнце брызнуло лучами
На ликующий залив!
День пройдет — устанут руки.
Но усталость заслонив,
Из души живые звуки
В стройный просятся мотив.
Свет луны ночами тонок,
Берег светел по ночам,
Море тихо, как котенок,
Все скребется о причал...

ТЫ С КОРАБЛЕМ ПРОЩАЛАСЬ

С улыбкой на лице и со слезами
Осталась ты на пристани морской.
И снова шторм играет парусами
И всей моей любовью и тоской!

Я уношусь куда-то в мирозданье,
Я зарываюсь в бурю, как баклан.
За вечный стон, за вечное рыданье
Я полюбил жестокий океан.

Я полюбил чужой полярный город
И вновь к нему из странствия вернусь
За то, что он испытывает холод,
За то, что он испытывает грусть,

За то, что он наполнен голосами,
За то, что там, к печали и добру,
С улыбкой на лице и со слезами
Ты с кораблем прощалась на ветру...

ДЕРЕВЕНСКИЕ НОЧИ

Ветер под окошками
тихий, как мечтание,
А за огородами
в сумерках полей
Крики перепелок,
дальних звезд мерцание,
Ржание стреноженных
молодых коней.
К табуну
с уздечкою
выбегу из мрака я,
Самого горячего
выберу коня.
И по травам скошенным,
удилами звякая,
Конь в село соседнее
понесет меня.
Пусть ромашки встречные
от копыт сторонятся,
Вздрогнувшие ивы
брызгают росой, —
Для меня, как музыкой,
снова мир наполнится,
Радостью свидания
с девушкой простой!
Все люблю без памяти
в деревенском стане я,
Будоражат сердце мне
в сумерках полей
Крики перепелок,
дальних звезд мерцание,
Ржание стреноженных
молодых коней...

МАЧТЫ

Созерцаю ли звезды над бездной
С человеческой вечной тоской,
Воцаряюсь ли в рубке железной
За штурвалом над бездной морской, —

Все я верю, воспрянувши духом,
В грозовое свое бытие
И не верю настойчивым слухам,
Будто все перейдет в забытье,

Будто все начинаем без страха,
А кончаем в назначенный час
Тем, что траурной музыкой Баха
Провожают товарищи нас.

Это кажется мне невозможным.
Все мне кажется — нет забытья!
Все я верю, как мачтам надежным,
И делам, и мечтам бытия.

* * *

Стихи из дома гонят нас,
Как будто вьюга воет, воет
На отопленье паровое,
На электричество и газ!
Скажите, знаете ли вы
О вьюгах что-нибудь такое:
Кто может их заставить выть?
Кто может их остановить,
Когда захочется покоя?
А утром солнышко взойдет, —
Кто может средство отыскать,
Чтоб задержать его восход,
Остановить его закат?..
Вот так поэзия, — она
Звенит — ее не остановишь!
А замолчит — напрасно стонешь!
Она незрима и вольна...
Прославит нас или унизит,
Но все равно возьмет свое,
И не она от нас зависит,
А мы зависим от нее.

* * *

О чем писать?
На то не наша воля!
Тобой одним
Не будет мир воспет!
Ты тему моря взял
И тему поля,
А тему гор
Другой воспел поэт!
Но если нет
Ни радости, ни горя,
Тогда не мни,
Что звонко запоешь,
Любая тема —
Поля или моря —
И тема гор —
Все это будет ложь!

* * *

Окошко. Стол. Половики.
    В окошке — вид реки...
Черны мои черновики,
    Чисты чистовики.
За часом час уходит прочь,
    Мелькает свет и тень.
Звезда над речкой — значит, ночь.
    А солнце — значит, день.
Но я забуду ночь реки,
    Забуду день реки:
Мне спать велят чистовики,
    Вставать — черновики.

ПРИЕЗД ТЮТЧЕВА

Он шляпу снял,
чтоб поклониться
Старинным русским каланчам...
А после дамы всей столицы
О нем шептались по ночам.

И офицеры в пыльных бурках
Потом судили меж равнин
О том, как в залах Петербурга
Блистал приезжий дворянин.

А он блистал, как сын природы,
Играя взглядом и умом,
Блистал, как летом блещут воды,
Как месяц блещет над холмом!

И сны Венеции прекрасной,
И грустной родины привет —
Все отражалось в слове ясном
И поражало высший свет.

ПОСЛЕДНЯЯ НОЧЬ

Был вечер и зловещ и ветрен,
Когда, один в осенней мгле,
В свое жилище Дмитрий Кедрин
Спешил, вздыхая о тепле...

Поэт, бывало, скажет слово
В любой компании чужой —
Его уж любят, как святого,
Кристально чистого душой.

О, как жестоко в этот вечер
Сверкнули тайные ножи!
И после этой страшной встречи
Не стало кедринской души.

Но говорят, что и во прахе
Он все вставал над лебедой,
Его убийцы жили в страхе,
Как будто это впрямь святой,

Как будто он во сне являлся
И так спокойно, как никто,
Смотрел на них и удивлялся,
Как перед смертью: — А за что?

Теперь она, как в дымке, островками
Глядит на нас, покорная судьбе, —
Мелькнет порой лугами, ветряками —
И вновь закрыта дымными веками...
Но тем сильней влечет она к себе!

Мелькнет покоя сельского страница,
И вместе с чувством древности земли
Такая радость на душе струится,
Как будто вновь поет на поле жница
И дни рекой зеркальной потекли...

Снега, снега... За линией железной
Укромный, чистый вижу уголок.
Пусть век простит мне ропот бесполезный,
Но я молю, чтоб этот вид безвестный
Хотя б вокзальный дым не заволок!

Пусть шепчет бор, серебряно-янтарный,
Что это здесь при звоне бубенцов
Расцвел душою Пушкин легендарный,
И снова мир дивился благодарный:
Пришел отсюда сказочный Кольцов!

Железный путь зовет меня гудками,
И я бегу... Но мне не по себе,
Когда она за дымными веками
Избой в снегах, лугами, ветряками
Мелькнет порой, покорная судьбе...

ЗЕЛЕНЫЕ ЦВЕТЫ

Светлеет грусть, когда цветут цветы,
Когда брожу я многоцветным лугом
Один или с хорошим давним другом,
Который сам не терпит суеты.

За нами — шум и пыльные хвосты —
Все улеглось! Одно осталось ясно,
Что мир устроен грозно и прекрасно,
Что легче там, где поле и цветы.

Остановившись в медленном пути,
Смотрю, как день, играя, расцветает!
Но даже здесь... чего-то не хватает...
Недостает того, что не найти.

Как не найти погаснувшей звезды,
Как никогда, бродя цветущей степью,
Меж белых листьев и на белых стеблях
Мне не найти зеленые цветы...

* * *

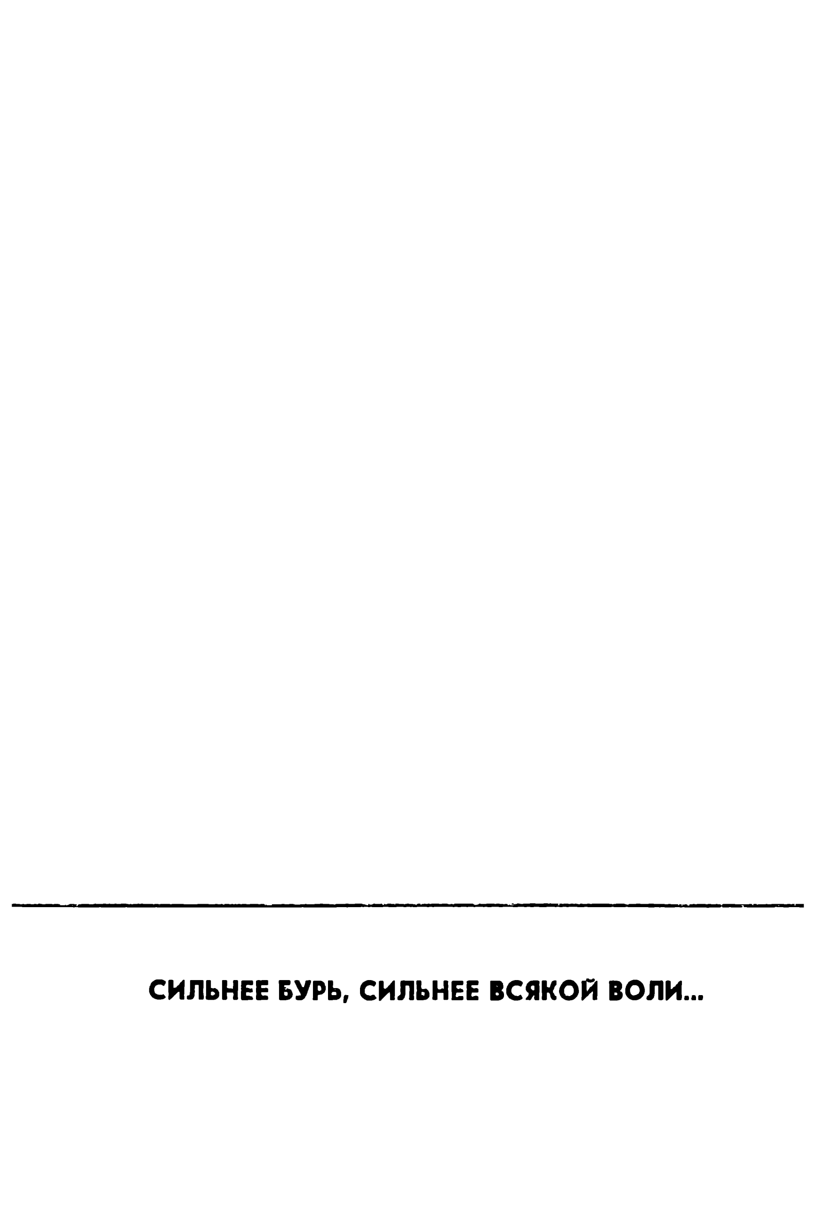
Брал человек
Холодный, мертвый камень,
По искре высекал
Из камня пламень.

Твоя судьба
Не менее сурова —
Вот так же высекать
Огонь из слова!

Но труд ума,
Бессонницей больного, —
Всего лишь дань
За радость неземную:

В своей руке
Сверкающее слово
Вдруг ощутить,
Как молнию ручную!

СИЛЬНЕЕ БУРЬ, СИЛЬНЕЕ ВСЯКОЙ ВОЛИ...

ПРИВЕТ, РОССИЯ...

Привет, Россия, — родина моя!
Как под твоей мне радостно листвою!
И пенья нет, но ясно слышу я
Незримых певчих пенье хоровое...

Как будто ветер гнал меня по ней,
По всей земле — по селам и столицам!
Я сильный был, но ветер был сильней,
И я нигде не мог остановиться.

Привет, Россия, — родина моя!
Сильнее бурь, сильнее всякой воли
Любовь к твоим овинам у жнивья,
Любовь к тебе, изба в лазурном поле.

За все хоромы я не отдаю
Свой низкий дом с крапивой под оконцем...
Как миротворно в горницу мою
По вечерам закатывалось солнце!

Как весь простор, небесный и земной,
Дышал в оконце счастьем и покоем,
И достославной веял стариной,
И ликовал под ливнями и зноем!..

УТРО

Когда заря, светясь по сосняку,
Горит, горит, и лес уже не дремлет,
И тени сосен падают в реку,
И свет бежит на улицы деревни,
Когда, смеясь, на дворике глухом
Встречают солнце взрослые и дети, —
Воспрянув духом, выбегу за холм
И все увижу в самом лучшем свете.
Деревья, избы, лошадь на мосту,
Цветущий луг — везде о них тоскую.
И, разлюбив вот эту красоту,
Я не создам, наверное, другую...

СТАРАЯ ДОРОГА

Всё облака над ней,
                    всё облака...
В пыли веков мгновенны и незримы,
Идут по ней, как прежде, пилигримы,
И машет им прощальная рука.
Навстречу им июльские деньки
Идут в нетленной синенькой рубашке,
По сторонам — качаются ромашки,
И зной звенит во все свои звонки,
И в тень зовут росистые леса...
Как царь любил богатые чертоги,
Так полюбил я древние дороги
И голубые
          вечности глаза!

То полусгнивший встретится овин,
То хуторок с позеленевшей крышей,
Где дремлет пыль и обитают мыши
Да нелюдимый филин-властелин.
То по холмам, как три богатыря,
Еще порой проскачут верховые,
И снова — глушь, забывчивость, заря,
Все пыль, все пыль да знаки верстовые...

Здесь каждый славен —
                    мертвый и живой!
И оттого, в любви своей не каясь,
Душа, как лист, звенит, перекликаясь
Со всей звенящей солнечной листвой,
Перекликаясь с теми, кто прошел,
Перекликаясь с теми, кто проходит...
Здесь русский дух в веках произошел,
И ничего на ней не происходит.
Но этот дух пойдет через века!
И пусть травой покроется дорога,
И пусть над ней, печальные немного,
Плывут, плывут, как мысли, облака...

ЖАР-ПТИЦА

Когда приютит
задремавшее стадо
Семейство берез на холме за рекой,
Пастух, наблюдая игру листопада,
Лениво сидит и болтает ногой...

Есть маленький домик в багряном лесу,
И отдыха нынче там нет и в помине:
Отец мой готовит ружье на лису
И вновь говорит о вернувшемся сыне.
А дальше за лесом —
большая деревня.
Вороны на елках, старухи в домах.
Деревни, деревни вдали на холмах,
Меж ними село
с колокольнею древней...

В деревне виднее природа и люди.
Конечно, за всех говорить не берусь!
Виднее над полем при звездном салюте,
На чем поднималась великая Русь.

Галопом колхозник погнал лошадей,
А мне уж мерещится русская удаль,
И манят меня огоньками уюта
Жилища, мерещится, лучших людей.

Мотало меня и на сейнере в трюме,
И так, на пирушках, во дни торжества,
И долго на ветках дорожных раздумий,
Как плод, созревала моя голова.

Не раз ко дворцу, где сиял карнавал,
Я ветреным франтом в машине катился,
Ну, словом, как бог, я везде побывал
И все же, и все же домой воротился...

— Старик! А давно ли
ты ходишь за стадом?
— Давно, — говорит.
Колокольня вдали
Деревни еще оглашала набатом,
И ночью светились в домах фитили.
— А ты не заметил, как годы прошли?
— Заметил, заметил! Попало как надо.
— Так что же нам делать, узнать интересно...
— А ты, — говорит, — полюби и жалей
И помни
хотя бы родную окрестность,
Вот этот десяток холмов и полей...
— Ну, ладно! Я рыжиков вам принесу... —

Как просто в прекрасную глушь листопада
Уводит меня полевая ограда,
И детское пенье в багряном лесу,

И тайна древнейших строений и плит.
И только от бывшей печали, быть может,
Нет-нет да и вспомнится вдруг,
затревожит,
Что осень, жар-птица,
вот-вот
улетит...

НОЧЬ НА РОДИНЕ

Высокий дуб. Глубокая вода.
Спокойные кругом ложатся тени.
И тихо так, как будто никогда
Природа здесь не знала потрясений.

И тихо так, как будто никогда
Здесь крыши сел не слыхивали грома!
Не встрепенется ветер у пруда,
И на дворе не зашуршит солома,

И редок сонный коростеля крик...
Вернулся я — былое не вернется!
Ну что же? Пусть хоть это остается,
Продлится пусть хотя бы этот миг,

Когда души не трогает беда,
И так спокойно двигаются тени,
И тихо так, как будто никогда
Уже не будет в жизни потрясений,

И всей душой, которую не жаль
Всю потопить в таинственном и милом,
Овладевает светлая печаль,
Как лунный свет овладевает миром...

* * *

Уединившись за оконцем,
Я с головой ушел в труды!
В окно закатывалось солнце,
И влагой веяли пруды...

Как жизнь полна! Иду в рубашке,
А ветер дышит все живей,
Журчит вода, цветут ромашки,
На них ложится тень ветвей.

И так легки былые годы,
Как будто лебеди вдали
На наши пастбища и воды
Летят со всех сторон земли!..

И снова в чистое оконце
Покоить скромные труды
Ко мне закатывалось солнце,
И влагой веяли пруды...

ТАЙНА

Чудный месяц горит над рекою,
    Над местами отрóческих лет,
И на родине, полной покоя,
    Широко разгорается свет...
Этот месяц горит не случайно
    На дремотной своей высоте,
Есть какая-то жгучая тайна
    В этой русской ночной красоте!
Словно слышится пение хора,
    Словно скачут на тройках гонцы,
И в глуши задремавшего бора
    Всё звенят и звенят бубенцы...

ЦВЕТЫ

Владимиру Максимову

По утрам умываясь росой,
Как цвели они! Как красовались!
Но упали они под косой,
И спросил я: — А как назывались?—
И мерещилось многие дни
Что-то тайное в этой развязке:
Слишком грустно и нежно они
Назывались — «анютины глазки».

ПРИРОДА

Звенит, смеется, как младенец,
И смотрит солнышку вослед.
И меж домов, берез, поленниц
Горит, струясь, небесный свет.
Как над заплаканным младенцем,
Играя с нею, после гроз
Узорным чистым полотенцем
Свисает радуга с берез.
И сладко, сладко ночью звездной
Ей снится дальний скрип телег...
И вдруг разгневается грозно,
Совсем как взрослый человек!
Как человек богоподобный,
Внушает в гибельной борьбе
Пускай не ужас допотопный,
Но поклонение себе!..

* * *

Меня звала моя природа.
Но вот однажды у пруда
Могучий вид маслозавода
Явился образом труда!
Там за подводою подвода
Во двор ввозила молоко,
И шум, и свет маслозавода
Работу славил широко!
Как жизнь полна у бригадира!
У всех, кто трудится, полна,
У всех, кого встречают с миром
С работы дети и жена!
Я долго слушал шум завода —
И понял вдруг, что счастье тут:
Россия, дети и природа,
И кропотливый сельский труд!..

ПО ДОРОГЕ ИЗ ДОМА

Люблю ветер. Больше всего на свете.
Как воет ветер! Как стонет ветер!
Как может ветер выть и стонать!
Как может ветер за себя постоять!

О ветер, ветер! Как стонет в уши!
Как выражает живую душу!
Что сам не можешь, то может ветер
Сказать о жизни на целом свете.

Спасибо, ветер! Твой слышу стон.
Как облегчает, как мучит он!
Спасибо, ветер! Я слышу, слышу!
Я сам покинул родную крышу...

Душа ведь может, как ты, стонать.
Но так ли может за себя постоять?
Безжизнен, скучен и ровен путь.
Но стонет ветер! Не отдохнуть...

ВО ВРЕМЯ ГРОЗЫ

Внезапно небо прорвалось
С холодным пламенем и громом!
И ветер начал вкривь и вкось
Качать сады за нашим домом.

Завеса мутная дождя
Заволокла лесные дали.
Кромсая мрак и бороздя,
На землю молнии слетали!

А туча шла гора-горой!
Кричал пастух, металось стадо,
И только церковь под грозой
Молчала набожно и свято.

Молчал, задумавшись, и я,
Привычным взглядом созерцая
Зловещий праздник бытия,
Смятенный вид родного края.

И все раскалывалась высь,
Плач раздавался колыбельный,
И стрелы молний все неслись
В простор тревожный, беспредельный...

ПОСЛЕ ГРОЗЫ

Ночью я видел:
Ломались березы!
Видел: метались цветы!
Гром, рассыпающий
Гибель и слезы,
Всех настигал с высоты!
Как это странно
И все-таки мудро:
Гром роковой перенесть,
Чтоб удивительно
Светлое утро
Встретить, как светлую весть!
Вспыхнул светящийся
Солнечный веер,
Дышат нектаром цветы,
Влагой рассеянной
Озеро веет,
Полное чистой воды!

* * *

А между прочим, осень на дворе.
Ну что ж, я вижу это не впервые.
Скулит собака в мокрой конуре,
Залечивая раны боевые.
Бегут машины, мчатся напрямик
И вдруг с ухаба шлепаются в лужу.
Когда, буксуя, воет грузовик,
Мне этот вой выматывает душу.
Кругом шумит холодная вода,
И все кругом расплывчато и мглисто.
Незримый ветер, словно в невода,
Со всех сторон затягивает листья...
Раздался стук. Я выдернул засов.
Я рад обняться с верными друзьями.
Повеселились несколько часов,
Повеселились с грустными глазами...
Когда в сенях опять простились мы,
Я первый раз так явственно услышал,
Как о суровой близости зимы
Тяжелый ливень жаловался крышам.
Прошла пора, когда в зеленый луг
Я отворял узорное оконце —
И все лучи, как сотни добрых рук,
Мне по утрам протягивало солнце...

СЕНТЯБРЬ

Слава тебе, поднебесный
Радостный краткий покой!
Солнечный блеск твой чудесный
С нашей играет рекой,

С рощей играет багряной,
С россыпью ягод в сенях,
Словно бы праздник нагрянул
На златогривых конях!

Радуюсь громкому лаю,
Листьям, корове, грачу,
И ничего не жалею,
И ничего не хочу!

И никому не известно
То, что, с зимой говоря,
В бездне таится небесной
Ветер и грусть октября...

ОСЕННЯЯ ЛУНА

Грустно, грустно последние листья,
Не играя уже, не горя,
Под гнетущей погаснувшей высью,
Над заслеженной грязью и слизью
Осыпались в конце октября.

И напрасно так шумно, так слепо,
Приподнявшись, неслись над землей,
Словно где-то не кончилось лето,
Может, там, за расхлябанным следом, —
За тележной цыганской семьей.

Люди жили тревожней и тише
И смотрели в окно иногда, —
Был на улице говор не слышен,
Было слышно, как воют над крышей
Ветер, ливень, труба, провода...

Так зачем, проявляя участье,
Между туч проносилась луна
И светилась во мраке ненастья,
Словно отблеск весеннего счастья,
В красоте неизменной одна?

Под луной этой светлой и быстрой
Мне еще становилось грустней
Видеть табор под бурею мглистой,
Видеть ливень и грязь и со свистом
Ворох листьев летящий над ней...

ОСЕННИЕ ЭТЮДЫ

1

Огонь в печи не спит,
перекликаясь
С глухим дождем, струящимся по крыше...
А возле ветхой сказочной часовни
Стоит береза старая, как Русь, —
И вся она, как огненная буря,
Когда по ветру вытянутся ветви
И зашумят, охваченные дрожью,
И листья долго валятся с ветвей,
Вокруг ствола лужайку устилая...

Когда стихает яростная буря,
Сюда приходит девочка-малютка
И робко так садится на качели,
Закутываясь в бабушкину шаль.
Скрипят, скрипят под ветками качели,
И так шумит над девочкой береза,
И так вздыхает горестно и страстно,
Как будто человеческою речью
Она желает что-то рассказать.
Они друг другу так необходимы!

Но я нарушил их уединенье,
Когда однажды шлялся по деревне
И вдруг спросил играючи: «Шалунья!
О чем поешь?» Малютка отвернулась
И говорит: «Я не пою, я плачу...»
Вокруг меня все стало так уныло!
Но в наши годы плакать невозможно,
И каждый раз, себя превозмогая,
Мы говорим: «Все будет хорошо».

2

И вот среди осеннего безлюдья
Раздался бодрый голос человека:
— Как много нынче клюквы на болоте!
— Как много нынче клюквы на болоте! —
Во всех домах тотчас отозвалось...

От всех чудес всемирного потопа
Досталось нам безбрежное болото,
На сотни верст усыпанное клюквой,
Овеянное сказками и былью
Прошедших здесь крестьянских поколений...
Зовешь, зовешь... Никто не отзовется...
И вдруг уснет могучее сознанье,
И вдруг уснут мучительные страсти,
Исчезнет даже память о тебе.

И в этом сне картины нашей жизни,
Одна другой туманнее, толпятся,
Покрытые миражной поволокой
Безбрежной тишины и забытья.
Лишь глухо стонет дерево сухое...

«Как хорошо! — я думал.— Как прекрасно!»
И вздрогнул вдруг, как будто пробудился,
Услышав странный посторонний звук.

Змея! Да, да! Болотная гадюка
За мной все это время наблюдала
И все ждала, шипя и извиваясь...
Мираж пропал. Я весь похолодел.
И прочь пошел, дрожа от омерзенья,
Но в этот миг, как туча, над болотом
Взлетели с криком яростные птицы,
Они так низко начали кружиться
Над головой моею одинокой,
Что стало мне опять не по себе...
«С чего бы это птицы взбеленились? —
Подумал я, все больше беспокоясь. —
С чего бы змеи начали шипеть?»

И понял я, что это не случайно,
Что весь на свете ужас и отрава
Тебя тотчас открыто окружают,
Когда увидят вдруг, что ты один.
Я понял это как предупрежденье:
Мол, хватит, хватит шляться по болоту!
Да, да, я понял их предупрежденье, —
Один за клюквой больше не пойду...

3

Прошел октябрь. Пустынно за овином.
Звенит снежок в траве обледенелой,
И глохнет жизнь под небом оловянным,
И лишь почтовый трактор хлопотливо
Туда-сюда мотается чуть свет.
И только я с поникшей головою,
Как выраженье осени живое,
Проникнутый тоской ее и дружбой,
По косогорам родины брожу
И одного сильней всего желаю,
Чтоб в этот день осеннего распада
И в близкий день ревущей снежной бури
Всегда светила нам, не унывая,
Звезда труда, поэзии, покоя,
Чтоб и тогда она торжествовала,
Когда не будет памяти о нас...

НАСТУПЛЕНИЕ НОЧИ

Когда заря
Смеркается и брезжит,
Как будто тонет
В омутной ночи,
И в гробовом
Затишье побережий
Скользят ее
Последние лучи,
Мне жаль ее.
Вот-вот... еще немножко...
И, поднимаясь
В гаснущей дали,
Весь ужас ночи
Прямо за окошком
Как будто встанет
Вдруг из-под земли!
И так тревожно
В час перед набегом
Кромешной тьмы
Без жизни и следа,
Как будто солнце
Красное над снегом,
Огромное,
Погасло навсегда...

ЗИМНЯЯ ПЕСНЯ

В этой деревне огни не погашены.
    Ты мне тоску не пророчь!
Светлыми звездами нежно украшена
    Тихая зимняя ночь.
Светятся тихие, светятся чудные...
    Слышится шум полыньи...
Были пути мои трудные, трудные.
    Где ж вы, печали мои?
Скромная девушка мне улыбается,
    Сам я улыбчив и рад!
Трудное, трудное — все забывается,
    Светлые звезды горят!
Кто мне сказал, что во мгле заметеленной
    Глохнет покинутый луг?
Кто мне сказал, что надежды потеряны?
    Кто это выдумал, друг?
В этой деревне огни не погашены.
    Ты мне тоску не пророчь!
Светлыми звездами нежно украшена
    Тихая зимняя ночь...

ЗВЕЗДА ПОЛЕЙ

Звезда полей во мгле заледенелой,
Остановившись, смотрит в полынью.
Уж на часах двенадцать прозвенело,
И сон окутал родину мою...

Звезда полей! В минуты потрясений
Я вспоминал, как тихо за холмом
Она горит над золотом осенним,
Она горит над зимним серебром...

Звезда полей горит не угасая
Для всех тревожных жителей земли,
Своим лучом приветливым касаясь
Всех городов, поднявшихся вдали.

Но только здесь, во мгле заледенелой,
Она восходит ярче и полней,
И счастлив я, пока на свете белом
Горит, горит звезда моих полей...

ЗИМНЯЯ НОЧЬ

Кто-то стонет на темном кладби́ще,
Кто-то глухо стучится ко мне,
Кто-то пристально смотрит в жилище,
Показавшись в полночном окне...
В эту пору с дороги буранной
Заявился ко мне на ночлег
Непонятный какой-то и странный
Из чужой стороны человек.
И старуха метель не случайно,
Как дитя, голосит за углом, —
Есть какая-то вечная тайна
В этом жалобном плаче ночном.
Сад качается, стонут стропила...
И по лестнице шаткой во мрак,
Чтоб нечистую выпугнуть силу,
С фонарем я иду на чердак.
По углам разбегаются тени...
— Кто тут ходит?.. — Ни звука в ответ...
Подо мной, как живые, ступени
Так и плачут... Спасения нет...
Кто-то стонет всю ночь на кладбище,
Кто-то гибнет в буране — невмочь!
И мерещится мне, что в жилище
Кто-то пристально смотрит всю ночь.

ВЫПАЛ СНЕГ

Выпал снег —
                    и все забылось,
Чем душа была полна!
Сердце проще вдруг забилось,
Словно выпил я вина.

Вдоль по улице по узкой,
Чистый, мчится ветерок,
Красотою древнерусской
Обновился городок.

Снег летит на храм Софии,
На детей, а их не счесть.
Снег летит по всей России,
Словно радостная весть.

Снег летит — гляди и слушай!
Так вот, просто и хитро,
Жизнь порой врачует душу...
Ну и ладно! И добро.

* * *

У сгнившей лесной избушки,
Меж белых стволов бродя,
Люблю собирать волнушки
На склоне осеннего дня.

Летят журавли высоко
Под куполом светлых небес,
И лодка, шурша осокой,
Плывет по каналу в лес.

И холодно так и чисто,
И светлый канал волнист,
И с дерева с легким свистом
Слетает прохладный лист.

И словно душа простая
Проносится в мире чудес,
Как птиц одинокая стая
Под куполом светлых небес.

НА ВОКЗАЛЕ

Закатилось солнце за вагоны.
Вот еще один безвестный день,
Торопливый, радостный, зеленый,
Отошел в таинственную сень...

Кто-то странный (видимо, не веря,
Что поэт из бронзы, неживой)
Постоял у памятника в сквере,
Позвенел о бронзу головой,

Посмотрел на надпись с недоверьем
И ушел, посвистывая, прочь...
И опять родимую деревню
Вижу я: избушки и деревья,
Словно в омут, канувшие в ночь.

За старинный плеск ее паромный,
За ее пустынные стога
Я готов безропотно и скромно
Умереть от выстрела врага...

•

* * *

Прекрасно небо голубое!
Прекрасен поезд голубой!
— Какое место вам? — Любое.
Любое место, край любой.

Еще волнует все, что было.
В душе былое не прошло.
Но слишком дождь шумел уныло,
Как будто все произошло.

И без мечты, без потрясений
Среди одних и тех же стен
Я жил в предчувствии осеннем
Уже не лучших перемен.

— Прости,—сказал родному краю,—
За мой отъезд, за паровоз.
Я несерьезно. Я играю.
Поговорим еще всерьез.

Мы разлучаемся с тобою,
Чтоб снова встретиться с тобой.
Прекрасно небо голубое!
Прекрасен поезд голубой!

ПО ДОРОГЕ К МОРЮ

Въезжаем в рощу золотую,
В грибную бабушкину глушь,
Лошадка встряхивает сбрую
И пьет порой из теплых луж.

Вот показались вдоль дороги
Поля, деревни, монастырь,
А там — с кустарником убогим
Унылый тянется пустырь...

Я рад тому, что мы кочуем,
Я рад садам монастыря
И мимолетным поцелуям
Прохладных листьев сентября.

А где-то в солнечном Тифлисе
Ты ждешь меня на той горе,
Где в теплый день при легком бризе
Прощались мы лицом к заре.

Я опечален: та вершина
Крута. А ты на ней одна,
И азиатская чужбина —
Бог знает что за сторона.

Еще он долог по селеньям,
Мой путь к морскому кораблю,
И, как тебе, цветам осенним
Я все шепчу: «Люблю, люблю...»

...И БУДУ ЖИТЬ В СВОЕМ НАРОДЕ!

* * *

Я уплыву на пароходе,
Потом поеду на подводе,
Потом еще на чем-то вроде,
Потом верхом, потом пешком
Пройду по волоку с мешком —
И буду жить в своем народе!

НА СЕНОКОСЕ

С утра носились,
Сенокосили,
Отсенокосили, пора!
В костер устало
Дров подбросили
И помолчали у костра.

И вот опять
Вздыхают женщины, —
О чем-то думается им?
А мужики лежат,
Блаженствуя,
И в небеса пускают дым!

Они толкуют
О политике,
О новостях, о том о сем,
Не критикуют
Ради критики,
А мудро судят обо всем.

И слышен смех
В тени под ветками,
И песни русские слышны —
Все чаще новые,
Советские,
Все реже — грустной старины...

* * *

Загородил мою дорогу
Грузовика широкий зад.
И я подумал: «Слава богу,
Дела в селе идут на лад».

Теперь в полях везде машины
И не видать плохих кобыл.
И только вечный дух крушины
Все так же горек и уныл.

И резко, словно в мегафоны,
О том, что склад забыт и пуст,
Уже не каркают вороны
На председательский картуз.

Идут, идут обозы в город
По всем дорогам без конца, —
Не слышно праздных разговоров,
Не видно праздного лица.

РУССКИЙ ОГОНЕК

1

Погружены в томительный мороз,
Вокруг меня снега оцепенели!
Оцепенели маленькие ели,
И было небо темное, без звезд.
Какая глушь! Я был один живой,
Один живой в бескрайнем мертвом поле!
Вдруг тихий свет — пригрезившийся, что ли? —
Мелькнул в пустыне, как сторожевой...

Я был совсем как снежный человек,
Входя в избу, — последняя надежда! —
И услыхал, отряхивая снег:
— Вот печь для вас... И теплая одежда...
Потом хозяйка слушала меня,
Но в тусклом взгляде жизни было мало,
И, неподвижно сидя у огня,
Она совсем, казалось, задремала...

2

Как много желтых снимков на Руси
В такой простой и бережной оправе!
И вдруг открылся мне и поразил
Сиротский смысл семейных фотографий!
Огнем, враждой земля полным-полна,
И близких всех душа не позабудет...
— Скажи, родимый, будет ли война?
И я сказал:
— Наверное, не будет.

— Дай бог, дай бог... Ведь всем не угодишь,
А от раздора пользы не прибудет...
И вдруг опять: — Не будет, говоришь?
— Нет, — говорю, — наверное, не будет!
— Дай бог, дай бог...

И долго на меня
Опять смотрела, как глухонемая,
И головы седой не поднимая,
Опять сидела тихо у огня.
Что снилось ей? Весь этот белый свет,
Быть может, встал пред нею в то мгновенье,
Но я глухим бренчанием монет
Прервал ее старинные виденья.
— Господь с тобой! Мы денег не берем...
— Что ж, — говорю, — желаю вам здоровья! —
За все добро расплатимся добром,
За всю любовь расплатимся любовью...

3

Спасибо, скромный русский огонек,
За то, что ты в предчувствии тревожном
Горишь для тех, кто в поле бездорожном
От всех друзей отчаянно далек,
За то, что, с доброй верою дружа,
Среди тревог великих и разбоя
Горишь, горишь, как добрая душа,
Горишь во мгле, и нет тебе покоя...

ВИДЕНИЯ НА ХОЛМЕ

Взбегу на холм
и упаду в траву.
И древностью повеет вдруг из дола!
Засвищут стрелы, будто наяву,
Блеснет в глаза кривым ножом монгола!
Пустынный свет на звездных берегах
И вереницы птиц твоих, Россия,
Затмит на миг в крови и в жемчугах
Тупой башмак скуластого Батыя...

Россия, Русь —
Куда я ни взгляну!
За все твои страдания и битвы
Люблю твою, Россия, старину,
Твои леса, погосты и молитвы,
Люблю твои избушки и цветы,
И небеса, горящие от зноя,
И шепот ив у омутной воды,
Люблю навек, до вечного покоя...

Россия, Русь! Храни себя, храни!
Смотри, опять в леса твои и долы
Со всех сторон нагрянули они,
Иных времен татары и монголы.
Они несут на флагах черный крест,
Они крестами небо закрестили,
И не леса мне видятся окрест,
А лес крестов в окрестностях России.

Кресты, кресты...
Я больше не могу!
Я резко отниму от глаз ладони
И вдруг увижу: смирно на лугу
Траву жуют стреноженные кони.

Заржут они — и где-то у осин
Подхватит эхо медленное ржанье,
И надо мной —
бессмертных звезд Руси,
Спокойных звезд безбрежное мерцанье...

ДУША ХРАНИТ

Вода недвижнее стекла.
И в глубине ее светло.
И только щука, как стрела,
Пронзает водное стекло.

О вид смиренный и родной!
Березы, избы по буграм
И, отраженный глубиной,
Как сон столетий, божий храм.

О Русь — великий звездочет!
Как звезд не свергнуть с высоты,
Так век неслышно протечет,
Не тронув этой красоты:

Как будто древний этот вид
Раз навсегда запечатлен
В душе, которая хранит
Всю красоту былых времен...

* * *

Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны,
Неведомый сын удивительных вольных племен!
Как прежде скакали на голос удачи капризной,
Я буду скакать по следам миновавших времен...

Давно ли, гуляя, гармонь оглашала окрестность,
И сам председатель плясал, выбиваясь из сил,
И требовал выпить за доблесть в труде и за честность,
И лучшую жницу, как знамя, в руках проносил!

И быстро, как ласточка, мчался я в майском костюме
На звуки гармошки, на пенье и смех на лужке,
А мимо неслись в торопливом немолкнущем шуме
Весенние воды, и бревна неслись по реке...

Россия! Как грустно! Как странно поникли и грустно
Во мгле над обрывом безвестные ивы мои!
Пустынно мерцает померкшая звездная люстра,
И лодка моя на речной догнивает мели.

И храм старины, удивительный, белоколонный,
Пропал, как виденье, меж этих померкших полей, —
Не жаль мне, не жаль мне растоптанной царской короны,
Но жаль мне, но жаль мне разрушенных белых церквей!..

О сельские виды! О, дивное счастье родиться
В лугах, словно ангел, под куполом синих небес!
Боюсь я, боюсь я, как вольная сильная птица,
Разбить свои крылья и больше не видеть чудес!

Боюсь, что над нами не будет возвышенной силы,
Что, выплыв на лодке, повсюду достану шестом,

Что, все понимая, без грусти пойду до могилы...
Отчизна и воля, — останься, мое божество!

Останьтесь, останьтесь, небесные синие своды!
Останься, как сказка, веселье воскресных ночей!
Пусть солнце на пашнях венчает обильные всходы
Старинной короной своих восходящих лучей!..

Я буду скакать, не нарушив ночное дыханье
И тайные сны неподвижных больших деревень.
Никто меж полей не услышит глухое скаканье,
Никто не окликнет мелькнувшую легкую тень.

И только, страдая, израненный бывший десантник
Расскажет в бреду удивленной старухе своей,
Что ночью промчался какой-то таинственный всадник,
Неведомый отрок, и скрылся в тумане полей...

ФЕРАПОНТОВО

В потемневших лучах горизонта
Я смотрел на окрестности те,
Где узрела душа Ферапонта
Что-то божье в земной красоте.

И однажды возникло из грезы,
Из молящейся этой души,
Как трава, как вода, как березы,
Диво дивное в русской глуши.

И небесно-земной Дионисий,
Из соседних явившись земель,
Это дивное диво возвысил
До черты, небывалой досель...

Неподвижно стояли деревья,
И ромашки белели во мгле,
И казалась мне эта деревня
Чем-то самым святым на земле...

В СИБИРСКОЙ ДЕРЕВНЕ

То желтый куст,
То лодка кверху днищем,
То колесо тележное
В грязи...
Меж лопухов —
Его, наверно, ищут —
Сидит малыш,
Щенок скулит вблизи.

Скулит щенок
И все ползет к ребенку,
А тот забыл,
Наверное, о нем, —
К ромашке тянет
Слабую ручонку
И говорит...
Бог ведает, о чем!..

Какой покой!
Здесь разве только осень
Над ледоносной
Мечется рекой,
Но крепче сон,
Когда в ночи глухой
Со всех сторон
Шумят вершины сосен,

Когда привычно
Слышатся в лесу
Осин тоскливых
Стоны и молитвы, —
В такую глушь
Вернувшись после битвы,

Какой солдат
Не уронил слезу?

Случайный гость,
Я здесь ищу жилище
И вот пою
Про уголок Руси,
Где желтый куст,
И лодка кверху днищем,
И колесо,
Забытое в грязи...

ШУМИТ КАТУНЬ

В. Астафьеву

Как я подолгу слушал этот шум,
Когда во мгле горел закатный пламень!
Лицом к реке садился я на камень
И все глядел, задумчив и угрюм,

Как мимо башен, идолов, гробниц
Катунь неслась широкою лавиной,
И кто-то древней клинописью птиц
Записывал напев ее былинный...

Катунь, Катунь, — свирепая река!
Поет она нерадостные мифы
О том, как шли воинственные скифы, —
Они топтали эти берега!

И Чингиз-хана сумрачная тень
Над целым миром солнце затмевала,
И черный дым летел за перевалы
К стоянкам светлых русских деревень...

Все поглотил столетий темный зев,
И всё в просторе сказочно-огнистом
Бежит Катунь с рыданием и свистом —
Она не может успокоить гнев!

В горах погаснет солнечный июнь,
Заснут во мгле печальные аилы,
Молчат цветы, безмолвствуют могилы,
И только слышно, как шумит Катунь...

О МОСКОВСКОМ КРЕМЛЕ

Бессмертное величие Кремля
Невыразимо смертными словами!
В твоей судьбе, — о русская земля! —
В твоей глуши с лесами и холмами,
Где смутной грустью веет старина,
Где было все: смиренье и гордыня —
Навек слышна, навек озарена,
Утверждена московская твердыня!

Мрачнее тучи грозный Иоанн
Под ледяными взглядами боярства
Здесь исцелял невзгоды государства,
Скрывая боль своих душевных ран.
И смутно мне далекий слышен звон:
То скорбный он, то гневный и державный!
Бежал отсюда сам Наполеон,
Покрылся снегом путь его бесславный...

Да! Он земной! От пушек и ножа
Здесь кровь лилась...
Он грозной был твердыней!
Пред ним склонялись мысли и душа,
Как перед славной воинской святыней.
Но как, взгляните, чуден этот вид!
Остановитесь тихо в день воскресный —
Ну, не мираж ли сказочно-небесный
Возник пред вами, реет и горит?

И я молюсь,— о русская земля! —
Не на твои забытые иконы,
Молюсь на лик священного Кремля
И на его таинственные звоны.

* * *

Эх, коня да удаль азиата
Мне взамен чернильниц и бумаг, —
Как под гибким телом Азамата,
Подо мною взвился б
аргамак!
Как разбойник,
только без кинжала,
Покрестившись лихо на собор,
Мимо волн обводного канала
Поскакал бы я во весь опор!
Мимо окон Эдика и Глеба,
Мимо криков: «Это же — Рубцов!»
Не простой,
во̀звышенный,
в седле бы
Прискакал к тебе в конце концов!
Но, должно быть, просто и без смеха
Ты мне скажешь: — Боже упаси!
Почему на лошади приехал?
Разве мало в городе такси? —
И, стыдясь за дикий свой поступок,
Словно богом свергнутый с небес,
Я отвечу буднично и глупо:
— Да, конечно, это не прогресс...

В СТАРОМ ПАРКЕ

Песчаный путь
В еловый темный лес.
В зеленый пруд
Упавшие деревья.
И бирюза,
И огненные перья
Ночной грозою
Вымытых небес!

Желтея грустно,
Старый особняк
Стоит в глуши
Запущенного парка, —
Как дико здесь!
Нужна покрепче палка,
Чтоб уложить
Крапиву кое-как...

Покрывшись пеплом,
Гаснет бирюза.
И там, во тьме
Унылого строенья,
Забытого навек
Без сожаленья,
Горят кошачьи
Желтые глаза.

Не отыскать
Заросшие следы,
Ничей приход
Не оживит картины,
Лишь манят, вспыхнув,
Ягоды малины

Да редких вишен
Крупные плоды.

Подует ветер!
Сосен темный ряд
Вдруг зашумит,
Застонет, занеможет,
И этот шум
Волнует и тревожит,
И не понять,
О чем они шумят.

ГРАНИ

Я вырос в хорошей деревне,
Красивым — под скрип телег!
Одной деревенской царевне
Я нравился как человек.

Там нету домов до неба,
Там нету реки с баржой,
Но там на картошке с хлебом
Я вырос такой большой.

Мужал я под грохот МАЗов
На твердой рабочей земле...
Но хочется как-то сразу
Жить в городе и в селе.

Ах, город село таранит!
Ах, что-то пойдет на слом!
Меня все терзают грани
Меж городом и селом...

В ИЗБЕ

Стоит изба, дымя трубой,
Живет в избе старик рябой,
Живет за окнами с резьбой
Старуха, гордая собой,
И крепко, крепко в свой предел —
Вдали от всех вселенских дел —
Вросла избушка за бугром
Со всем семейством и добром!
И только сын заводит речь,
Что не желает дом стеречь,
И все глядит за перевал,
Где он ни разу не бывал...

ХЛЕБ

Положил в котомку
сыр, печенье,
Положил для роскоши миндаль.
Хлеб не взял.
— Ведь это же мученье
Волочиться с ним в такую даль! —
Все же бабка
сунула краюху.
Все на свете зная наперед,
Так сказала:
— Слушайся старуху!
Хлеб, родимый, сам себя несет...

* * *

Огороды русские
под холмом седым.
А дороги узкие,
тихие, как дым.
Солнышко осоковое
брызжет серебром.
Чучело гороховое
машет рукавом...
До свиданья, пугало,
огородный бог! —
душу убаюкала
пыль твоих дорог...

НА НОЧЛЕГЕ

Лошадь белая в поле темном.
Воет ветер, бурлит овраг,
Светит лампа в избе укромной,
Освещая осенний мрак.
Подмерзая, мерцают лужи...
«Что ж, — подумал, — зайду давай...»
Посмотрел, покурил, послушал
И ответил мне: — Ночевай!
И отправился в темный угол,
Долго с лавки смотрел в окно
На поблекшие травы луга...
Хоть бы слово еще одно!
Есть у нас старики по селам,
Что утратили будто речь, —
Ты с рассказом к нему веселым,
Он без звука к себе на печь.
Знаю, завтра разбудит только
Словом будничным, кратким столь.
Я спрошу его: — Надо сколько?
Он ответит: — Не знаю, сколь!
И отправится в тот же угол,
Долго будет смотреть в окно
На поблекшие травы луга...
Хоть бы слово еще одно!
Ночеваю! Глухим покоем
Сумрак душу врачует мне,
Только маятник с тихим боем
Все качается на стене,
Только изредка над паромной
Над рекою, где бакен желт,
Лошадь белая в поле темном
Вскинет голову и заржет...

ДОБРЫЙ ФИЛЯ

Я запомнил, как диво,
Тот лесной хуторок,
Задремавший счастливо
Меж звериных дорог...

Там в избе деревянной,
Без претензий и льгот,
Так, без газа, без ванной,
Добрый Филя живет.

Филя любит скотину,
Ест любую еду,
Филя ходит в долину,
Филя дует в дуду!

Мир такой справедливый,
Даже нечего крыть...
— Филя! Что молчаливый?
— А о чем говорить?

СУДЬБА

Легкой поступью,
кивая головой,
Конь в упряжке
прошагал по мостовой.
Как по травке,
по обломкам кирпича
Прошагал себе, телегой грохоча
Между жарких этих
каменных громад.
Как понять его! Он рад или не рад?
Бодро шел себе,
накормленный овсом.
И катилось колесо за колесом...

В чистом поле
меж товарищей своих
Он летел, бывало,
как весенний вихрь,
И не раз подружке милой на плечо
Он дышал по-молодому горячо.

Но однажды в ясных далях сентября
Занялась такая грустная заря!
В чистом поле, незнакомцев веселя,
Просвистела,
полонив его,
петля.
Тут попал он, весь пылая и дрожа,
Под огонь ветеринарного ножа.

И поднялся он тяжел и невесом...
Покатилось колесо за колесом...

Долго плелся он с понурой головой
То по жаркой,
то по снежной мостовой,
Но и все-таки,
хоть путь его тяжел,
В чем-то он успокоение нашел.

Что желать ему? Не все ли уж равно!
Лишь бы счастья было чуточку дано
Что при солнце,
что при дождике косом...
И катилось колесо за колесом.

ВЕЧЕРНЕЕ ПРОИСШЕСТВИЕ

Мне лошадь встретилась в кустах.
И вздрогнул я. А было поздно.
В любой воде таился страх,
В любом сарае сенокосном...
Зачем она в такой глуши
Явилась мне в такую пору?
Мы были две живых души,
Но неспособных к разговору.
Мы были разных два лица,
Хотя имели по два глаза.
Мы жутко так, не до конца,
Переглянулись по два раза.
И я спешил — признáюсь вам —
С одною мыслью к домочадцам:
Что лучше разным существам
В местах тревожных —
не встречаться!

ФИЛОСОФСКИЕ СТИХИ

За годом год уносится навек,
Покоем веют старческие нравы, —
На смертном одре гаснет человек
В лучах довольства полного и славы!
К тому и шел! Страстей своей души
Боялся он, как буйного похмелья.
— Мои дела ужасно хороши! —
Хвалился с видом гордого веселья.
Последний день уносится навек...
Он слезы льет, он требует участья,
Но поздно понял этот человек,
Что создал в жизни ложный облик счастья!
Значенье слез, которым поздно течь,
Не передать — близка его могила,
И тем острее мстительная речь,
Которою душа заговорила...
Когда над ним, угаснувшим навек,
Хвалы и скорби голос раздавался, —
«Он умирал, как жалкий человек!» —
Подумал я и вдруг заволновался:
— Мы по одной дороге ходим все. —
Так думал я. — Одно у нас начало,
Один конец. Одной земной красе
В нас поклоненье свято прозвучало!
Зачем же кто-то, ловок и остер, —
Простите мне, как зверь в часы охоты,
Так устремлен в одни свои заботы,
Что он толкает братьев и сестер?!
Пускай всю жизнь душа меня ведет!
— Чтоб нас вести, на то рассудок нужен!
— Чтоб мы не стали холодны, как лед,
Живой душе пускай рассудок служит!
В душе огонь — и воля, и любовь! —
И жалок тот, кто гонит эти страсти,
Чтоб гордо жить, нахмуривая бровь,
В лучах довольства полного и власти!

— Как в трех соснах блуждая и кружа,
Ты не сказал о разуме ни разу!
— Соединясь, рассудок и душа
Даруют нам светильник жизни — разум!
Когда-нибудь ужасной будет ночь.
И мне навстречу злобно и обидно
Такой буран засвищет, что невмочь,
Что станет свету белого не видно!
Но я пойду! Я знаю наперед,
Что счастлив тот, хоть с ног его сбивает,
Кто все пройдет, когда душа ведет,
И выше счастья в жизни не бывает!
Чтоб снова силы чуждые, дрожа,
Все полегли и долго не очнулись,
Чтоб в смертный час рассудок и душа,
Как в этот раз, друг другу улыбнулись...

ФАЛЬШИВАЯ КОЛОДА

— Скорей бы, скорей бы
Отчалил проклятый паром!
Как возятся долго
С погрузкой какого-то хлама! —
Сердились, галдя,
На своих чемоданах с добром
Четыре туза
И четыре изысканных дамы...

Меж тем рассветало.
И вдруг, озаряя ухабы,
Взлетел раскаленный
Светящийся солнечный шар!
В торговый ларек
Потянулись с кошелками бабы,
Вокруг слободы
Расклубился таинственный шарф —
Туман полевой,
И по заспанным омутным ямам
Паром зашумел,
Выплывая в могучий простор!..

Четыре туза
И четыре внимательных дамы
Со мной завели,
Как шарманку,
Глухой разговор
О хлебе, о ценах,
О смысле какой-то проблемы...
— Эй, что ж ты, паромщик?
Затей свою песню, затей!
Терпеть не могу
Разговоров на общие темы
Среди молодых,
Но уже разжиревших людей...

Сошел я с парома
И сразу направился прямо
Дорогой лесами,
Дорогой полями,
А там
Четыре туза
И четыре испуганных дамы
За каждым шофером
Носились весь день по пятам...

В ГОСТЯХ

Трущобный двор. Фигура на углу.
Мерещится, что это Достоевский.
И желтый свет в окне без занавески
Горит, но не рассеивает мглу.
Гранитным громом грянуло с небес!
В безлюдный двор ворвался ветер резкий,
И видел я, как вздрогнул Достоевский,
Как тяжело ссутулился, исчез...

Не может быть, что это был не он!
Как без него представить эти тени,
И желтый свет, и грязные ступени,
И гром, и стены с четырех сторон!

Я продолжаю верить в этот бред,
Когда в свое притонное жилище
По коридору в страшной темнотище,
Отдав поклон, ведет меня поэт...

Куда меня, беднягу, занесло!
Таких картин вы сроду не видали,
Такие сны над вами не витали,
И да минует вас такое зло!

...Поэт, как волк, напьется натощак,
И неподвижно, словно на портрете,
Все тяжелей сидит на табурете,
И все молчит, не двигаясь никак.

И перед ним, кому-то подражая
И суетясь, как все по городам,
Сидит и курит женщина чужая...
— Ах, почему вы курите, мадам!

Он говорит, что все уходит прочь,
Что всякий путь оплакивает ветер,
Что страшный бред, похожий на медведя,
Его опять преследовал всю ночь.
Он говорит, что мы одних кровей,
И на меня указывает пальцем,
А мне неловко выглядеть страдальцем,
И я смеюсь, чтоб выглядеть живей...

Но все они опутаны всерьез
Какой-то общей нервною системой, —
Случайный крик, раздавшись над богемой,
Доводит всех до крика и до слез!
И думал я: какой же ты поэт,
Когда среди бессмысленного пира
Слышна все реже гаснущая лира
И странный шум ей слышится в ответ?

И все торчит.
В дверях торчит сосед!
Торчат за ним разбуженные тетки!
Торчат слова!
Торчит бутылка водки!
Торчит в окне безрадостный рассвет!

Опять стекло оконное в дожде,
Опять туманом тянет и ознобом...
Когда толпа потянется за гробом,
Ведь кто-то скажет: «Он сгорел... в труде».

ПАМЯТИ АНЦИФЕРОВА

На что ему отдых такой?
На что ему эта обитель,
Кладбищенский этот покой —
Минувшего страж и хранитель?
— Вы, юноши, нравитесь мне!—
Говаривал он мимоходом,
Когда на житейской волне
Носился с хорошим народом.
Среди болтунов и чудил
Шумел, над вином наклоняясь,
И тихо потом уходил,
Как будто за все извиняясь...
И нынче, являясь в бреду,
Зовет он тоскливо, как вьюга!
И я, содрогаясь, иду
На голос поэта и друга.
Но — пусто! Меж белых могил
Лишь бродит метельная скрипка...
Он нас на земле посетил
Как чей-то привет и улыбка.

ПОСЛЕДНИЙ ПАРОХОД

Памяти А. Яшина

...Мы сразу стали тише и взрослей.
Одно поют своим согласным хором
И темный лес, и стаи журавлей
Над тем Бобришным дремлющим угором...

В леса глухие, в самый древний град
Плыл пароход, разбрызгивая воду.
Скажите мне, кто был тогда не рад?
Смеясь, ходили мы по пароходу.
А он, большой, на борт облокотясь, —
Он, написавший столько мудрых книжек,
Смотрел туда, где свет зари и грязь
Меж потонувших в зелени домишек.
И нас, пестрея, радовала вязь
Густых ветвей, заборов и домишек,
Но он, глазами грустными смеясь,
Порой смотрел на нас, как на мальчишек...

В леса глухие, в самый древний град
Плыл пароход, разбрызгивая воду.
Скажите, кто вернулся бы назад?
Смеясь, ходили мы по пароходу.
А он, больной, скрывая свой недуг,—
Он, написавший столько мудрых книжек,
На целый день расстраивался вдруг
Из-за каких-то мелких окунишек.
И мы, сосредоточась, чуть заря,
Из водных трав таскали окунишек,
Но он, всерьез о чем-то говоря,
Порой смотрел на нас, как на мальчишек...

В леса глухие, в самый древний град
Плыл пароход, встречаемый народом...

Скажите мне, кто в этом виноват,
Что пароход, где смех царил и лад,
Стал для него последним пароходом?
Что вдруг мы стали тише и взрослей,
Что грустно так поют суровым хором
И темный лес, и стаи журавлей
Над беспробудным ветреным угором...

НА РЕКЕ СУХОНЕ

Много серой воды,
много серого неба,
И немного пологой нелюдимой земли,
И немного огней вдоль по берегу... Мне бы
Снова вольным матросом
Наниматься на корабли!
Чтоб с веселой душой
Снова плыть в неизвестность, —
Может, прежнее счастье мелькнет впереди!..
Между тем не щадят
Эту добрую местность,
Словно чья-нибудь месть, проливные дожди.
Но на той стороне
под всемирным потопом
Притащилась на берег —
Видно, надо — старушка с горбом,
Но опять мужики на подводе примчались галопом
И с телегой, с конями
Взгромоздились опять на паром.
Вот, я думаю, стать волосатым паромщиком мне бы!
Только б это избрать, как другие смогли, —
Много серой воды,
много серого неба,
И немного пологой родимой земли,
И немного огней вдоль по берегу...

ЖАРА

Всезнающей, вещей старухе
И той не уйти от жары.
И с ревом проносятся мухи,
И с визгом снуют комары,
И жадные липнут букашки,
И лютые оводы жгут, —
И жалобно плачут барашки,
И лошади, топая, ржут.
И что-то творится с громилой,
С быком племенным! И взгляни —
С какою-то дьявольской силой
Все вынесут люди одни!
И строят они и корежат,
Повсюду их сила и власть.
Когда и жара изнеможет,
Гуляют еще, веселясь!..

ОСТРОВА СВОИ ОБОГРЕВАЕМ

Захлебнулись поле и болото
Дождевой водою — дождались!
Прозябаньем, бедностью, дремотой
Все объято — впадины и высь.

Ночь придет — родимая окрестность,
Словно в омут, канет в темноту.
Темнота, забытость, неизвестность
У ворот, как стража на посту.

По воде, качаясь, по болотам
Бор скрипучий движется, как флот.
Как же мы, отставшие от флота,
Коротаем осень меж болот?

Острова свои обогреваем
И живем без лишнего добра,
Но всегда с огнем и урожаем,
С колыбельным пеньем до утра...

Не кричи так жалобно, кукушка,
Над водой, над стужею дорог!
Мать России целой — деревушка,
Может быть, вот этот уголок...

* * *

Седьмые сутки дождь не умолкает.
И некому его остановить.
Все чаще мысль угрюмая мелькает,
Что всю деревню может затопить.
Плывут стога. Крутясь, несутся доски.
И погрузились медленно на дно
На берегу забытые повозки,
И потонуло черное гумно.
И реками становятся дороги,
Озера превращаются в моря,
И ломится вода через пороги,
Семейные срывая якоря...

Неделю льет. Вторую льет... Картина
Такая — мы не видели грустней!
Безжизненная водная равнина,
И небо беспросветное над ней.
На кладбище затоплены могилы,
Видны еще оградные столбы,
Ворочаются, словно крокодилы,
Меж зарослей затопленных гробы,
Ломаются, всплывая, и в потемки
Под резким неслабеющим дождем
Уносятся ужасные обломки
И долго вспоминаются потом...

Холмы и рощи стали островами,
И счастье, что деревни на холмах.
И мужики, качая головами,
Перекликались редкими словами,
Когда на лодках двигались впотьмах,
И на детей покрикивали строго,
Спасали скот, спасали каждый дом
И глухо говорили: — Слава богу!
Слабеет дождь... вот-вот... еще немного...
И все пойдет обычным чередом.

НОЧЬ НА ПЕРЕВОЗЕ

Осень
        кончилась, —
                        сильный ветер
Заметает ее следы!
И болотная пленка воды
Замерзает при звездном свете.
И грустит,
            как живой,
                        и долго
Помнит свой сенокосный рай
Высоко над рекой, под елкой,
Полусгнивший пустой сарай...
От безлюдья и мрака
                        хвойных
Побережий, полей, болот
Мне мерещится в темных волнах
Затонувший какой-то флот.
И один во всем околотке
Выйдет бакенщик-великан
И во мгле
            промелькнет
                        на лодке
Как последний из могикан...

НА АВТОТРАССЕ

Какая зловещая трасса!
Какая суровая быль!
Шоферы высокого класса
Газуют сквозь ветер и пыль!

Газуют во мраке таежном,
По рытвинам в грозной ночи...
— Эй, где тут начальник дорожный?
— Лежит у себя на печи.

Шоферы уносятся с матом,
Начальству от них не уйти!
Но словно с беспомощным братом,
Со мной обошлись по пути.

Я шел, свои ноги калеча,
Глаза свои мучая тьмой.
— Куда ты?
— В деревню Предтеча.
— Откуда?
— Из Тотьмы самой...

За мною захлопнулась дверца,
И было всю ночь напролет
Так жутко и радостно сердцу,
Что все мы газуем вперед,

Что все мы, почти над кюветом,
Несемся все дальше стрелой,
И есть соответствие в этом
С характером жизни самой!..

ВЕСНА НА БЕРЕГУ БИИ

Сколько сору прибило к березам
Разыгравшейся полой водой!
Трактора, волокуши с навозом,
Жеребята с проезжим обозом,
Гуси, лошади, шар золотой,
Яркий шар восходящего солнца,
Куры, свиньи, коровы, грачи,
Горький пьяница с новым червонцем
У прилавка
и куст под оконцем —
Все купается, тонет, смеется,
Пробираясь в воде и в грязи!

Вдоль по берегу бешеной Бии
Гонят стадо быков верховые —
И, нагнувши могучие выи,
Грозный рев поднимают быки,
Говорю вам: — Услышат глухие! —
А какие в окрестностях Бии —
Поглядеть — небеса голубые!
Говорю вам: — Прозреют слепые,
И дороги их будут легки...

Говорю я и девушке милой:
— Не гляди на меня так уныло!
Мрак, метелица — все это было
И прошло, — улыбнись же скорей!
Улыбнись! — повторяю я милой, —
Чтобы нас половодьем не смыло,
Чтоб не зря с неизбывною силой
Солнце било фонтаном лучей!

* * *

Наслаждаясь ветром резким,
Допоздна по вечерам
Я брожу, брожу по сельским
Белым в сумраке холмам.
Взгляд блуждает по дремотным,
По холодным небесам,
Слух внимает мимолетным,
Приглушенным голосам.
По родному захолустью
В тощих северных лесах
Не бродил я прежде с грустью
Со слезами на глазах.
Было все — любовь и радость,
Счастье грезилось окрест.
Было все — покой и святость
Невеселых наших мест...
Я брожу... Я слышу пенье...
И в прокуренной груди
Снова слышу я волненье:
Что же, что же впереди?

РОДНАЯ ДЕРЕВНЯ

Хотя проклинает проезжий
Дороги моих побережий,
Люблю я деревню Николу,
Где кончил начальную школу!

Бывает, что пылкий мальчишка
За гостем приезжим по следу
В дорогу торопится слишком:
— Я тоже отсюда уеду!

Среди удивленных девчонок
Храбрится, едва из пеленок:
— Ну что по провинции шляться?
В столицу пора отправляться!

Когда ж повзрослеет в столице,
Посмотрит на жизнь за границей,
Тогда он оценит Николу,
Где кончил начальную школу...

ВОЛОГОДСКИЙ ПЕЙЗАЖ

Живу вблизи пустого храма,
На крутизне береговой,
И городская панорама
Открыта вся передо мной.
Пейзаж, меняющий обличье,
Мне виден весь со стороны
Во всем таинственном величье
Своей глубокой старины.

Там, за рекою, свалка бревен,
Подъемный кран, гора песка,
И торопливо — час не ровен! —
Полощут женщины с мостка
Свое белье, — полны до края
Корзины этого добра,
А мимо, волны нагоняя,
Летят и воют катера.

Сады. Желтеющие зданья
Меж зеленеющих садов
И темный, будто из преданья,
Квартал дряхлеющих дворов,
Архитектурный чей-то опус
Среди квартала... Дым густой...
И третий, кажется, автобус
Бежит по линии шестой.

Где строят мост, где роют яму,
Везде при этом крик ворон,
И обрывает панораму
Невозмутимый небосклон.
Кончаясь лишь на этом склоне,
Видны повсюду тополя,
И там, светясь, в тумане тонет
Глава безмолвного кремля...

ТОТ ГОРОД ЗЕЛЕНЫЙ...

Тот город зеленый и тихий
Отрадно заброшен и глух.
Достойно, без лишней шумихи,
Поет, как в деревне, петух
На площади главной... Повозка
Порой громыхнет через мост,
А там, где овраг и березка,
Столпится народ у киоска
И тянет из ковшика морс,
И мухи летают в крапиве,
Блаженствуя в летнем тепле...
Ну что там отрадней, счастливей
Бывает еще на земле?
Взгляну я во дворик зеленый —
И сразу порадуют взор
Земные друг другу поклоны
Людей, выходящих во двор.
Сорву я цветок маттиолы
И вдруг заволнуюсь всерьез:
И юность, и плач радиолы
Я вспомню, и полные слез
Глаза моей девочки нежной
Во мгле, когда гаснут огни...
Как я целовал их поспешно!
Как после страдал безутешно!
Как верил я в лучшие дни!
Ну что ж? Моя грустная лира,
Я тоже простой человек, —
Сей образ прекрасного мира
Мы тоже оставим навек.
Но вечно пусть будет все это,
Что свято я в жизни любил:
Тот город, и юность, и лето,
И небо с блуждающим светом
Неясных небесных светил...

ДАЛЕКОЕ

Где вьюга полночным набегом
Поля заметает кругом,
Стоял, запорошенный снегом,
Бревенчатый низенький дом.

Я помню, как звезды светили,
Скрипел за окошком плетень
И стаями волки бродили
Ночами вблизи деревень...

Как все это кончилось быстро!
Как странно ушло навсегда!
Как шумно — с надеждой и свистом —
Помчались мои поезда!

И все же, глаза закрывая,
Я вижу: над крышами хат,
В морозном тумане мерцая,
Таинственно звезды дрожат.

А вьюга полночным набегом
Поля заметает кругом,
И весь запорошенный снегом,
Стоит у околицы дом...

СОСЕН ШУМ

В который раз меня приветил
Уютный, древний Липин Бор,
Где только ветер, снежный ветер
Заводит с хвоей вечный спор.

Какое русское селенье!
Я долго слышал сосен шум,
И вот явилось просветленье
Моих простых вечерних дум.

Сижу в гостинице районной,
Курю, читаю, печь топлю,
Наверно, будет ночь бессонной,
Я так порой не спать люблю!

Да как же спать, когда из мрака
Мне будто слышен глас веков,
И свет соседнего барака
Еще горит во мгле снегов.

Пусть завтра будет путь морозен,
Пусть буду, может быть, угрюм,
Я не просплю сказанье сосен,
Старинных сосен долгий шум...

НОЧНОЕ ОЩУЩЕНИЕ

Когда стою во мгле,
Душе покоя нет, —
И омуты страшней,
И резче дух болотный,
Миры глядят с небес,
Свой излучая свет,
Свой открывая лик,
Прекрасный, но холодный.

И гор передо мной
Вдруг возникает цепь,
Как сумрачная цепь
Загадок и вопросов, —
С тревогою в душе,
С раздумьем на лице,
Я чуток, как поэт,
Бессилен, как философ.

Вот коростеля крик
Послышался опять...
Зачем стою во мгле?
Зачем не сплю в постели?
Скорее спать!
Ночами надо спать!
Настойчиво кричат
Об этом коростели...

ИВА

Зачем ты, ива, вырастаешь
Над судоходною рекой
И волны мутные ласкаешь,
Как будто нужен им покой?

Преград не зная и обходов,
Безумно жизнь твою губя,
От проходящих пароходов
Несутся волны на тебя!

А есть укромный край природы,
Где под церковною горой
В тени мерцающие воды
С твоей ласкаются сестрой...

КУПАВЫ

Как далеко дороги пролегли!
Как широко раскинулись угодья!
Как высоко над зыбким половодьем
Без остановки мчатся журавли!

В лучах весны — зови иль не зови! —
Они кричат все радостней и ближе.
Вот снова игры юности, любви
Я вижу здесь... Но прежних не увижу.

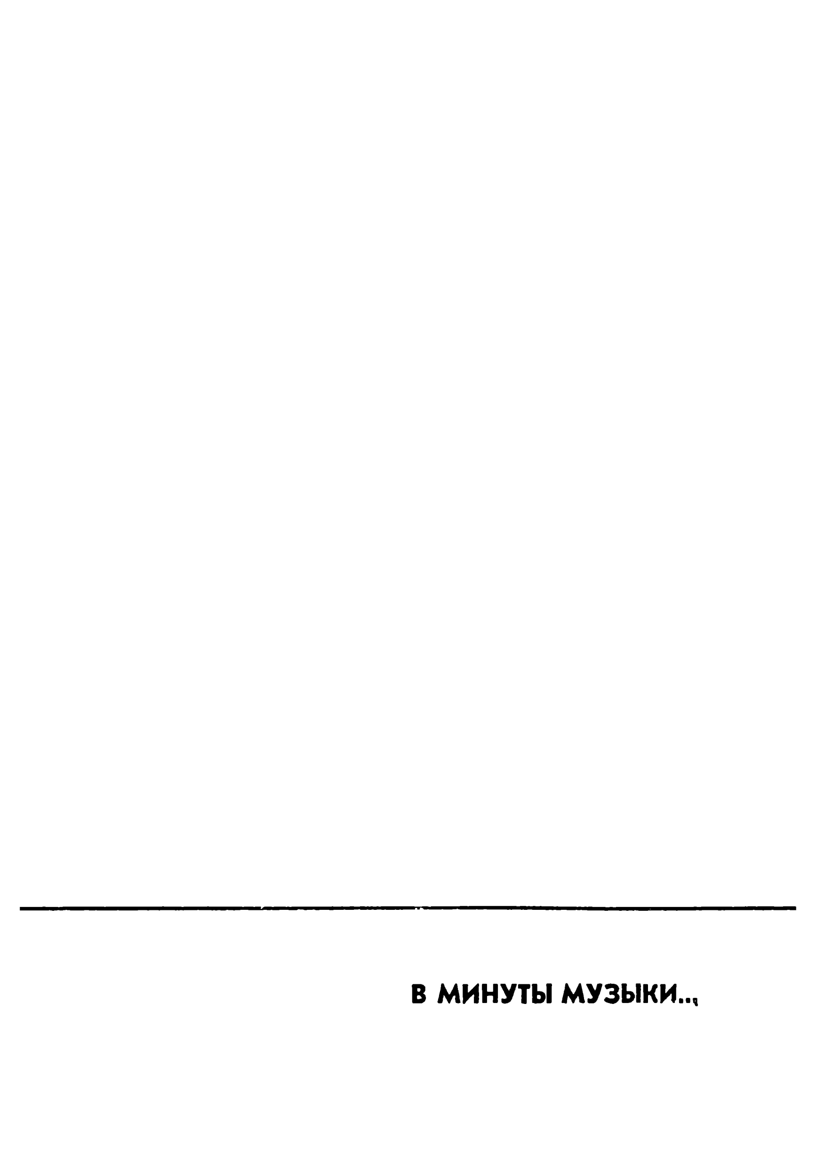
И обступают бурную реку
Все те ж цветы. Но девушки — другие,
И говорить не надо им, какие
Мы знали дни на этом берегу.

Бегут себе, играя и дразня,
Я им кричу: — Куда же вы? Куда вы?
Взгляните ж вы, какие здесь купавы!
Но разве кто послушает меня...

ПОЕЗД

Поезд мчался с грохотом и воем,
Поезд мчался с лязганьем и свистом,
И ему навстречу желтым роем
Понеслись огни в просторе мглистом.
Поезд мчался с полным напряженьем
Мощных сил, уму непостижимых,
Перед самым, может быть, крушеньем
Посреди миров несокрушимых.
Поезд мчался с прежним напряженьем
Где-то в самых дебрях мирозданья
Перед самым, может быть, крушеньем,
Посреди явлений без названья...
Вот он, глазом огненным сверкая,
Вылетает... Дай дорогу, пеший!
На разъезде где-то, у сарая,
Подхватил меня, понес меня, как леший!
Вместе с ним и я в просторе мглистом
Уж не смею мыслить о покое, —
Мчусь куда-то с лязганьем и свистом,
Мчусь куда-то с грохотом и воем,
Мчусь куда-то с полным напряженьем
Я, как есть, загадка мирозданья.
Перед самым, может быть, крушеньем
Я кричу кому-то: «До свиданья!..»
Но довольно! Быстрое движенье
Все смелее в мире год от году,
И какое может быть крушенье,
Если столько в поезде народу?

В МИНУТЫ МУЗЫКИ...

В ГОРНИЦЕ

В горнице моей светло,
Это от ночной звезды.
Матушка возьмет ведро,
Молча принесет воды...

Красные цветы мои
В садике завяли все,
Лодка на речной мели
Скоро догниет совсем.

Дремлет на стене моей
Ивы кружевная тень,
Завтра у меня под ней
Будет хлопотливый день!

Буду поливать цветы,
Думать о своей судьбе,
Буду до ночной звезды
Лодку мастерить себе...

НАГРЯНУЛИ

Не было собак — и вдруг залаяли.
Поздно ночью — что за чудеса! —
Кто-то едет в поле за сараями,
Раздаются чьи-то голоса...

Не было гостей — и вот нагрянули.
Не было вестей — так получай!
И опять под ивами багряными
Расходился праздник невзначай.

Ты прости нас, полюшко усталое,
Ты прости, как братьев и сестер:
Может, мы за все свое бывалое
Разожгли последний наш костер.

Может быть, последний раз нагрянули,
Может быть, не скоро навестят...
Как по саду, садику багряному
Грустно-грустно листья шелестят.

Под луной, под гаснущими ивами
Посмотрели мой любимый край
И опять умчались, торопливые,
И пропал вдали собачий лай...

СКАЧЕТ ЛИ СВАДЬБА

Скачет ли свадьба в глуши потрясенного бора,
Или, как ласка, в минуты ненастной погоды
Где-то послышится пение детского хора, —
Так — вспоминаю — бывало и в прежние годы!
Вспыхнут ли звезды — я вспомню, что прежде
блистали
Эти же звезды. А выйду случайно к парому, —
Прежде — подумаю — эти же весла плескали...
Будто о жизни и думать нельзя по-другому!
Ты говоришь, говоришь, как на родине лунной
Снег освещенный летел вороному под ноги,
Как без оглядки, взволнованный, сильный и юный,
В поле открытое мчался ты вниз по дороге!
Верил ты в счастье, как верят в простую удачу,
Слушал о счастье младенческий говор природы, —
Что ж, говори! Но не думай, что если заплачу,
Значит, и сам я жалею такие же годы.
Грустные мысли наводит порывистый ветер,
Но не об этом. А вспомнилось мне, что уныло.
Прежде не думал: «Такое, мне помнится, было!»
Прежде храбрился: «Такое ли будет на свете!»
Так говорил я. А выйду случайно к парому, —
«Скоро, — я думал, — разбудят меня на рассвете,
Как далеко уплыву я из скучного дому!..».
О, если б завтра подняться, воспрянувши духом,
С детскою верой в бессчетные вечные годы,
О, если б верить, что годы покажутся пухом, —
Как бы опять обманули меня пароходы!..

* * *

Ветер всхлипывал, словно дитя,
За углом потемневшего дома.
На широком дворе, шелестя,
По земле разлеталась солома...

Мы с тобой не играли в любовь,
Мы не знали такого искусства,
Просто мы у поленницы дров
Целовались от странного чувства.

Разве можно расстаться шутя,
Если так одиноко у дома,
Где лишь плачущий ветер-дитя
Да поленница дров и солома,

Если так потемнели холмы,
И скрипят не смолкая ворота,
И дыхание близкой зимы
Все слышней с ледяного болота...

НАД РЕКОЙ

Жалобно в лесу кричит кукушка
О любви, о скорби неизбежной...
Обнялась с подружкою подружка,
И, вздыхая, жалуется нежно:

— Погрусти, поплачь со мной, сестрица.
Милый мой жалел меня не много.
Изменяет мне и не стыдится.
У меня на сердце одиноко...

— Может быть, еще не изменяет, —
Тихо ей откликнулась подружка, —
Это мой стыда совсем не знает,
Для него любовь моя — игрушка...

Прислонившись к трепетной осинке,
Две подружки нежно целовались,
Обнимались, словно сиротинки,
И слезами горько обливались.

И не знали юные подружки,
Что для грусти этой, для кручины,
Кроме вечной жалобы кукушки,
Может быть, и не было причины.

Может быть, ребята собирались,
Да с родней остались на пирушке,
Может быть, ребята сомневались,
Что тоскуют гордые подружки.

И когда задремлет деревушка
И зажгутся звезды над потоком,
Не кричи так жалобно, кукушка!
Никому не будет одиноко...

ПОВЕСТЬ О ПЕРВОЙ ЛЮБВИ

Я тоже служил на флоте!
Я тоже памятью полн
О той бесподобной работе
На гребнях чудовищных волн.

Тобою — ах, море, море! —
Я взвинчен до самых жил,
Но, видно, себе на горе
Так долго тебе служил.

Любимая чуть не убилась, —
Ой, мама родная земля! —
Рыдая, о грудь мою билась,
Как море о грудь корабля.

В печали своей бесконечной,
Как будто вослед кораблю,
Шептала: — Я жду вас вечно! —
Шептала: — Я вас люблю...

Люблю вас! Какие звуки!
Но звуки ни то ни се.
И где-то в конце разлуки
Забыла она про все.

Однажды с какой-то дороги
Отправила пару слов:
«Мой милый! Ведь так у многих
Проходит теперь любовь...»

И все же в холодные ночи
Печальней видений других —
Глаза ее, близкие очень,
И море, отнявшее их...

ОТТЕПЕЛЬ

Нахмуренное,
                    с прозеленью,
                                        небо,
Во мгле, как декорации, дома,
Асфальт и воздух
Пахнут мокрым снегом,
И веет мокрым холодом зима.
Я чувствую себя больным
                                    и старым,
И что за дело мне до разных там
Гуляющих всю ночь по тротуарам
Мне незнакомых девушек и дам!
Вот так же было холодно и сыро,
Сквозил в проулках ветер и рассвет,
Когда она задумчиво спросила:
— Наверное, гордишься, что поэт? —
Наивная! Ей было не представить,
Что не себя — ее хотел прославить,
Что мне для счастья
Надо лишь иметь
То, что меня заставило запеть!
И будет вечно веять той зимою,
Как повторяться будет средь зимы
И эта ночь со слякотью и тьмою,
И горький запах слякоти и тьмы.

КУДА ПОЛЕТИМ?

— Мы будем свободны, как птицы, —
Ты шепчешь. И смотришь с тоской,
Как тянутся птиц вереницы
Над морем, над бурей морской.
И стало мне жаль отчего-то,
Что сам я люблю и любим...
Ты — птица иного полета,
Куда ж мы с тобой полетим?

ПЕСНЯ

Отцветет да поспеет
На болоте морошка, —
Вот и кончилось лето, мой друг!
И опять он мелькает,
Листопад, за окошком,
Тучи темные вьются вокруг...

Заскрипели ворота,
Потемнели избушки,
Закачалась над омутом ель,
Слышен жалобный голос
Одинокой кукушки,
И не спит по ночам коростель.

Над притихшей деревней
Скоро, скоро подружки
В облаках полетят с ветерком,
Выходя на дорогу,
Будут плакать старушки
И махать самолету платком.

Ах, я тоже желаю
На просторы вселенной!
Ах, я тоже на небо хочу!
Но в краю незнакомом
Будет грусть неизменной
По родному в окошке лучу.

Жаль мне доброе поле,
Жаль простую избушку,
Жаль над омутом старую ель...
Что ж так жалобно плачет
На болоте кукушка?
Что ж не спит по ночам коростель?

РАСПЛАТА

Я забыл, что такое любовь,
И под лунным над городом светом
Столько выпалил клятвенных слов,
Что мрачнею, как вспомню об этом.

И однажды, прижатый к стене
Безобразьем, идущим по следу,
Одиноко я вскрикну во сне,
И проснусь, и уйду, и уеду...

Поздно ночью откроется дверь.
Невеселая будет минута.
У порога я встану, как зверь,
Захотевший любви и уюта.

Побледнеет и скажет: — Уйди!
Наша дружба теперь позади!
Ничего для тебя я не значу!
Уходи! Не гляди, что я плачу!..

ЛИСТЬЯ ОСЕННИЕ

Листья осенние
Где-то во мгле мирозданья
Видели, бедные,
Сон золотой увяданья,
Видели, сонные,
Как, натянувши поводья,
Всадник мрачнел,
Объезжая родные угодья,
Как, встрепенувшись,
Веселью он вновь предавался, —
Выстрел беспечный
В дремотных лесах раздавался!..

Ночью, как встарь,
Не слыхать говорливой гармошки, —
Словно как в космосе,
Глухо в раскрытом окошке,
Глухо настолько,
Что слышно бывает, как глухо...
Это и нужно
В моем состоянии духа!

К печке остывшей
Подброшу поленьев беремя.
Сладко в избе
Коротать одиночества время,
В пору полночную
В местности этой невзрачной
Сладко мне спится
На сене под крышей чердачной,
Сладко, вдыхая
Ромашковый запах ночлега,
Зябнуть порою
В предчувствии близкого снега...

Вдруг, пробудясь,
По лесам зароптали березы,
Словно сквозь дрему
Расслышали чьи-то угрозы,
Словно почуяли
Гибель живые созданья...
Вот он и кончился,
Сон золотой увяданья.

ЖУРАВЛИ

Меж болотных стволов
Красовался восток огнеликий...
Вот наступит октябрь —
И покажутся вдруг журавли!
И разбудят меня,
Позовут журавлиные клики
Над моим чердаком,
Над болотом, забытым вдали...
Широко по Руси
Предназначенный срок увяданья
Возвещают они,
Как сказание древних страниц.
Все, что есть на душе,
До конца выражает рыданье
И высокий полет
Этих гордых прославленных птиц.
Широко на Руси
Машут птицам согласные руки.
И забытость болот,
И утраты знобящих полей —
Это выразят все,
Как сказанье, небесные звуки,
Далеко разгласит
Улетающий плач журавлей...
Вот летят, вот летят...
Отворите скорее ворота!
Выходите скорей,
Чтоб взглянуть на любимцев своих!
Вот замолкли — и вновь
Сиротеет душа и природа
Оттого, что — молчи! —
Так никто уж не выразит их...

БЕРЕЗЫ

Я люблю, когда шумят березы,
Когда листья падают с берез.
Слушаю — и набегают слезы
На глаза, отвыкшие от слез.

Все очнется в памяти невольно,
Отзовется в сердце и в крови.
Станет как-то радостно и больно,
Будто кто-то шепчет о любви.

Только чаще побеждает проза,
Словно дунет ветер хмурых дней.
Ведь шумит такая же береза
Над могилой матери моей.

На войне отца убила пуля,
А у нас в деревне у оград
С ветром и с дождем шумел, как улей,
Вот такой же желтый листопад...

Русь моя, люблю твои березы!
С первых лет я с ними жил и рос,
Потому и набегают слезы
На глаза, отвыкшие от слез...

НАД ВЕЧНЫМ ПОКОЕМ

Рукой раздвинув
темные кусты,
Я не нашел и запаха малины,
Но я нашел могильные кресты,
Когда ушел в малинник за овины...

Там фантастично тихо в темноте,
Там одиноко, боязно и сыро,
Там и ромашки будто бы не те —
Как существа уже иного мира.

И так в тумане омутной воды
Стояло тихо кладбище глухое,
Таким все было смертным и святым,
Что до конца не будет мне покоя.

И эту грусть, и святость прежних лет
Я так любил во мгле родного края,
Что я хотел упасть и умереть
И обнимать ромашки, умирая...

Пускай меня за тысячу земель
Уносит жизнь! Пускай меня проносит
По всей земле надежда и метель,
Какую кто-то больше не выносит!

Когда ж почую близость похорон,
Приду сюда, где белые ромашки,
Где каждый смертный
свято погребен
В такой же белой горестной рубашке...

УЛЕТЕЛИ ЛИСТЬЯ

Улетели листья с тополей —
Повторилась в мире неизбежность...
Не жалей ты листья, не жалей,
А жалей любовь мою и нежность!
Пусть деревья голые стоят,
Не кляни ты шумные метели!
Разве в этом кто-то виноват,
Что с деревьев листья улетели?

СЛЕЗ НЕ ЛЕЙ

Есть пора — души моей отрада:
Зыбко всё, но зелено уже!
Есть пора осеннего распада,
Это тоже родственно душе!

Грязь кругом, а тянет на болото,
Дождь кругом, а тянет на реку,
И грустит избушка между лодок
На своем ненастном берегу.

Облетают листья, уплывают
Мимо голых веток и оград...
В эти дни дороже мне бывают
И дела и образы утрат.

Слез не лей над кочкою болотной
Оттого, что слишком я горяч,
Вот умру — и стану я холодный,
Вот тогда, любимая, поплачь!..

ПРОЩАЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Я уеду из этой деревни...
Будет льдом покрываться река,
Будут ночью поскрипывать двери,
Будет грязь на дворе глубока.

Мать придет и уснет без улыбки...
И в затерянном сером краю
В эту ночь у берестяной зыбки
Ты оплачешь измену мою.

Так зачем же, прищурив ресницы,
У глухого болотного пня
Спелой клюквой, как добрую птицу,
Ты с ладони кормила меня?

Не грусти! На знобящем причале
Парохода весною не жди.
Лучше выпьем давай на прощанье
За недолгую нежность в груди.

Мы с тобою как разные птицы.
Что ж нам ждать на одном берегу?
Может быть, я смогу возвратиться,
Может быть, никогда не смогу...

Но однажды я вспомню про клюкву,
Про любовь твою в сером краю —
И пошлю вам чудесную куклу,
Как последнюю сказку свою.

Чтобы девочка, куклу качая,
Никогда не сидела одна.
— Мама, мамочка! Кукла какая!
И мигает, и плачет она...

В МИНУТЫ МУЗЫКИ

В минуты музыки печальной
Я представляю желтый плёс,
И голос женщины прощальный,
И шум порывистых берез,

И первый снег под небом серым
Среди погаснувших полей,
И путь без солнца, путь без веры
Гонимых снегом журавлей...

Давно душа блуждать устала
В былой любви, в былом хмелю,
Давно понять пора настала,
Что слишком призраки люблю.

Но все равно в жилищах зыбких —
Попробуй их останови! —
Перекликаясь, плачут скрипки
О желтом плесе, о любви,

И все равно под небом низким
Я вижу явственно, до слез,
И желтый плес, и голос близкий,
И шум порывистых берез.

Как будто вечен час прощальный,
Как будто время ни при чем...
В минуты музыки печальной
Не говорите ни о чем.

ВЕЧЕРНИЕ СТИХИ

Когда в окно осенний ветер свищет
И вносит в жизнь смятенье и тоску,
Не усидеть мне в собственном жилище,
Где в час такой меня никто не ищет, —
Я уплыву за Вологду-реку!
Перевезет меня дощатый катер
С таким родным на мачте огоньком,
Перевезет меня к блондинке Кате,
С которой я, пожалуй что некстати,
Так много лет не больше чем знаком.
Она спокойно служит в ресторане,
В котором дело та́к заведено,
Что на окне стоят цветы герани,
И редко здесь бывает голос брани,
И подают кадуйское вино.
В том ресторане мглисто и уютно,
Он на волнах качается чуть-чуть,
Пускай сосед поглядывает мутно
И задает вопросы поминутно, —
Что ж из того? Здесь можно отдохнуть!
Сижу себе. Разглядываю спину
Кого-то уходящего в плаще.
Хочу запеть про тонкую рябину,
Или про чью-то горькую чужбину,
Или о чем-то русском вообще!
Вникаю в мудрость древних изречений
О сложном смысле жизни на земле.
Я не боюсь осенних помрачнений!
Я полюбил ненастный шум вечерний,
Огни в реке и Вологду во мгле...
Вдоль по мосткам несется листьев ворох —
Видать в окно, — и слышен ветра стон,
И слышен волн сердитый шум и шорох,
И, как живые, в наших разговорах
Есенин, Пушкин, Лермонтов, Вийон!

Когда опять на мокрый дикий ветер
Выходим мы, подняв воротники,
Каким-то грустным таинством на свете
У темных волн, в фонарном тусклом свете,
Пройдет прощанье наше у реки.
И снова я подумаю о Кате,
О том, что ближе буду с ней знаком,
О том, что это будет очень кстати...
И вновь домой меня увозит катер
С таким родным на мачте огоньком!

ВЗГЛЯНУЛ НА КУСТИК

Взглянул на кустик — истину постиг.
Он и цветет, и плодоносит пышно,
Его питает солнышко, и слышно,
Как в тишине поит его родник.

А рядом — глянь! — худые деревца.
Грустна под ними скудная лужайка,
И не звенит под ними балалайка,
И не стучат влюбленные сердца.

Тянулись к солнцу — вот и обожглись!
Вот и взялась нечаянная мука.
Ну что ж, бывает... Всякому наука,
Кто дерзко рвется в солнечную высь.

Зато с куста нарву для милых уст
Малины крупной, молодой и сладкой,
И, обнимая девушку украдкой,
Ей расскажу про добрый этот куст...

В ДОРОГЕ

Зябко в поле непросохшем,
Не с того ли детский плач
Все настойчивей и горше...
Запоздалый и продрогший,
Пролетел над нами грач.
Ты, да я, да эта крошка —
Мы одни на весь простор!
А в деревне у окошка
Ждет некормленная кошка
И про наш не знает спор.
Твой каприз отвергнув тонко,
Вижу: гнев тебя берет!
Наконец, как бы котенка,
Своего схватив ребенка,
Ты уносишься вперед.
Ты уносишься... Куда же?
Рай там, что ли? Погляди!
В мокрых вихрях столько блажи,
Сколько холода в пейзаже
С темным дымом впереди.
Вместе мы накормим кошку!
Вместе мы затопим печь!
Молча глядя на дорожку,
Ты решаешь понемножку,
Что игра... не стоит свеч!

ЗАЧЕМ?

Она совсем еще ребенок:
И ясен взгляд, и голос тонок.
Она совсем еще дитя —
Живет играя и шутя.
— Давай походим темным лесом!
— Давай разбудим соловья!
Там у дороги под навесом
Моя любимая скамья.
— Давай сбежим скорее в поле!
— Давай посмотрим на зарю!..
Я подчиняюсь поневоле
И тоже что-то говорю.
Но чувства борются во мне,
Я в жизни знаю слишком много,
И часто с ней наедине
Мне и легко и одиноко.
И вот она уже грустна,
И вот уже серьезней встречи,
Совсем запутает она
Клубок моих противоречий!
Зачем же мы ходили лесом?
Зачем будили соловья?
Зачем стояла под навесом
Та одинокая скамья?

СИНЕНЬКИЙ ПЛАТОЧЕК

Я вспоминаю, сердцем посветлев,
Какой я был взволнованный и юный!
И пусть стихов серебряные струны,
Продолжат свой тоскующий напев

О том, какие это были дни!
О том, какие это были ночи!
Издалека, как синенький платочек,
Всю жизнь со мной прощаются они...

От прежних чувств остался, охладев,
Спокойный свет, как будто отблеск лунный,
Еще поют серебряные струны.
Но редок стал порывистый напев.

И все ж хочу я, странный человек,
Сберечь, как есть, любви своей усталость,
Взглянуть еще на все, что там осталось,
И распрощаться... может быть, навек.

ПРОЩАЛЬНОЕ

Печальная Вологда дремлет
На темной печальной земле,
И люди окраины древней
Тревожно проходят во мгле.

Родимая! Что еще будет
Со мною? Родная заря
Уж завтра меня не разбудит,
Играя в окне и горя.

Замолкли веселые трубы
И танцы на всем этаже,
И дверь опустевшего клуба
Печально закрылась уже.

Родимая! Что еще будет
Со мною? Родная заря
Уж завтра меня не разбудит,
Играя в окне и горя.

И сдержанный говор печален
На темном печальном крыльце,
Все было веселым вначале,
Все стало печальным в конце.

На темном разъезде разлуки
И в темном прощальном авто
Я слышу печальные звуки,
Которых не слышит никто...

ЭЛЕГИЯ

Отложу свою скудную пищу
И отправлюсь на вечный покой, —
Пусть меня еще любят и ищут
Над моей одинокой рекой.
Пусть еще всевозможное благо
Обещают на той стороне, —
Не купить мне избу над оврагом
И цветы не выращивать мне...

ПОСВЯЩЕНИЕ ДРУГУ

Замерзают мои георгины,
И последние ночи близки,
И на комья желтеющей глины
За ограду летят лепестки...

Нет! Меня не порадует — что ты! —
Одинокая странствий звезда.
Пролетели мои самолеты,
Просвистели мои поезда,

Прогудели мои пароходы,
Проскрипели телеги мои...
Я пришел к тебе в дни непогоды,
Так изволь, хоть водой напои!

Не порвать мне житейские цепи,
Не умчаться, глазами горя,
В пугачевские вольные степи,
Где гуляла душа бунтаря.

Не порвать мне мучительной связи
С долгой осенью нашей земли,
С деревцом у сырой коновязи,
С журавлями в холодной дали.

Но люблю тебя в дни непогоды
И желаю тебе навсегда,
Чтоб гудели твои пароходы,
Чтоб свистели твои поезда!

ПОСЛЕСЛОВИЕ

«ДАНЬ ЗА РАДОСТЬ НЕЗЕМНУЮ...»

«Потерять поэта очень легко, но приобрести поэта очень трудно», — писал некогда Александр Блок. И мы теперь, перечитывая стихотворения Н. Рубцова, в этом убеждаемся со всей очевидностью.

Всего только пять-шесть лет светилась звезда поэзии Николая Рубцова — от первого печатного отзыва до большого общественного признания. И ни одна книжка молодого поэта не оказалась обойденной вниманием читателей и критики *.

С первых самостоятельных шагов в поэзии Николай Рубцов проявил такую широту творческого кругозора, которая позволила ему воспринять опыт не только Ф. Тютчева и А. Фета, А. Блока и И. Бунина, но и С. Есенина, Д. Кедрина, А. Яшина. Он учился у многих, но ничьих следов непосредственного влияния в поэзии Рубцова мы, пожалуй, не обнаружим. Влияния, источники поэзии, по мнению Гёте, роли особенной не

---

* Уже на первые циклы стихов Николая Рубцова обратили внимание Марк Соболь в статье «Честь быть человеком» («Лит. газета», 14 декабря 1965) и Вадим Кожинов в обсуждении за «круглым столом» итогов 1965 поэтического года — статья «Поэты и стихотворцы» («Вопросы литературы», 1966, № 3). Только одну небольшую рецензию, опубликованную поэтом Юрием Линником в журнале «Север», вызвала первая книжка Н. Рубцова «Лирика» (Сев.-Зап. кн. изд., 1965), а уже на «Звезду полей» («Сов. писатель», М., 1967) откликнулись многие. Прежде всего поэты, которые почувствовали свою родственность музе Рубцова: Станислав Куняев — «Словами простыми и точными» («Лит. газета», 22 ноября 1967) и Анатолий Передреев — «Мир, отраженный в душе» («Лит. Россия», 22 сен-

играют: «Суть в том, чтобы иметь душу, которая любит истину и воспринимает ее там, где находит». Так ведь и складывается живая традиция — не во внешнем подражании, а во внутреннем родстве, за счет каких-то духовных связей. Но только традиция еще не рождает поэта, — его рождает время; творческий характер предопределяют и черты личности, и среда, и еще что-то неуловимое, чем владеют только поэты.

Не часто, но время от времени проникают в стихи Рубцова моменты его биографии, реальная жизнь поэта открывается достаточно полно для того, чтобы составить представление об истоках его поэзии и лирического характера. Когда «мать умерла, отец ушел на фронт», воспитывался мальчик в детском доме на берегу Сухоны («Детство»). Узнаем мы, что «на войне отца убила пуля» («Березы») и что мужал будущий поэт «под грохот МАЗов на твердой рабочей земле» («Грани»). После учебы в Тотемском лесотехническом техникуме он работал на заводах в Ленинграде. А о той поре, когда Николай Рубцов был кочегаром в Архангельском траловом флоте, мы узнаем из стихотворения «Я весь в мазуте...», еще юношеского, полного жажды жизни.

Николай Рубцов открыто говорит о своих привязанностях. Ивы, река, соловьи, деревянная школа — все, с чем ассоциируется понятие «Родина», дорого для него уже само по себе. Но прислушаемся и к горькому признанию поэта: «Мать моя здесь похороне-

---

тября 1967), а также Л. Лавлинский и другие критики. Особое место уделили поэзии Н. Рубцова в своих обзорах В. Чалмаев — «Обновленные перспективы» («Комсомольская правда», 23 января 1968) и В. Друзин — «Языком лирики о современности» («Правда», 15 января 1971). Позже о лирике Рубцова писали А. Михайлов, Е. Осетров, А. Ланщиков и другие критики. Поэзия Н. Рубцова в связи с родственными ей явлениями рассматривается, хотя и не без «натяжек», в статье В. Кожинова «Новое поэтическое поколение» («Вопросы литературы», 1970, № 7). Предметом обстоятельного специального исследования лирика Н. Рубцова стала в статьях В. Перцовского «Слово о поэзии Николая Рубцова» («Север», 1971, № 3) и В. Дементьева «Предвечернее Николая Рубцова» («Москва», 1973, № 3).

на в детские годы мои...» Поэтому не декларацией, а поэтической истиной оборачиваются его слова:

С каждой избою и тучею,
С громом, готовым упасть,
Чувствую самую жгучую,
Самую смертную связь.

Лирика Николая Рубцова рождена на нашей древней северной земле, в русской деревне. Связь времен улавливает Н. Рубцов всюду. В дальнем поселке, где с упоением внимает поэт сказанию старинных сосен, ему «слышен глас веков» («Сосен шум»). Живейшее волнение будит и болото, «на сотни вёрст усыпанное клюквой, овеянное сказками и былью прошедших здесь крестьянских поколений» («Осенние этюды»).

«Человек, — замечает Ефим Дорош, — не может жить только сегодняшним днем, сиюминутными интересами, как бы ни были они значительны. Ему необходимо представлять свою жизнь продолжением жизни, существующей издавна и не имеющей окончания». Жизнь далеких предков очарованием миража тревожит Николая Рубцова, в родном краю он один на один с историей: «Как хорошо! — я думал. — Как прекрасно!». Прекрасно приобщение к вечности.

В сегодняшнем было открыто Н. Рубцову прошлое, он умел почувствовать их живую связь. «Лес крестов в окрестностях России» напоминал поэту не только «тупой башмак скуластого Батыя», но и тех, что «несут на флагах черный крест». Поэт знал, что над ним «...бессмертных звезд Руси, высоких звезд покойное мерцание...». Он верил в силу Родины. Верил в торжество жизни, но успокаивать себя этим не мог, потому что люди неспокойны.

Много раз передуманное волнует поэта и старуху, его собеседницу, в стихотворении «Русский огонек». Надежда на будущее и память о былом живут в едином чувстве. Сам переживший раннее сиротство, Н. Рубцов чутко улавливал драматические противоречия нашего трудного века, видел, как они отражаются в сердцах человеческих. Это обеспечивало его стихам и глубину переживания и широту исторического обзора.

Однако исходным стало для поэта чувство Родины, и зазвучало оно уже в своеобразии русского пейзажа, в котором поэт выразился глубоко и полно. Решая

самые разные, самые несхожие темы, поэт признается в любви к Родине, но, заметим, никогда не декларирует. Н. Рубцов не пишет специально о своих патриотических чувствах, ведь для него это — какая-то потаенная, необъяснимая связь с родной землей.

Чудный месяц горит над рекою,
Над местами отроческих лет.
И на родине, полной покоя,
Широко разгорается свет...
Этот месяц горит не случайно
На дремотной своей высоте,
Есть какая-то жгучая тайна
В этой русской ночной красоте!
Словно слышится пение хора,
Словно скачут на тройках гонцы,
И в глуши задремавшего бора
Все звенят и звенят бубенцы...

(«Тайна»)

Мил Николаю Рубцову образ бескрайнего российского простора с пустынностью наших лесов, болот и полей. Романтической таинственностью полон этот образ, в котором грезится что-то сказочное, призрачное. Впечатление создается не пластически, а намеком, музыкой, настроением. Поэт идет обычно от немногих реальных примет пейзажа: вот, скажем, ветер, замерзающая вода, пустой сенной сарай под елкой на высоком берегу. Не только ширь, но и глубина картины схвачена, и открыт простор воображению («Ночь на перевозе»):

От безлюдья и мрака
хвойных
Побережий, полей, болот
Мне мерещится в темных волнах
Затонувший какой-то флот.
И один во всем околотке
Выйдет бакенщик-великан
И во мгле промелькнет на лодке,
Как последний из могикан...

Природа у Н. Рубцова часто открывается в остром борении стихий («Гроза», «После грозы», «Седьмые сутки дождь не умолкает...»). Она живет, и в движение ее вовлечен человек. Не просто достойный соперник природе, нет, он часть природы, слит с ней не-

разрывно: мы нигде у Рубцова не найдем их противопоставления. И сам поэт — плоть от плоти этого мира. Наверное, поэтому во всем, что им написано, нет и тени нарочитости, «сделанности». Стихи Николая Рубцова всегда безыскусны в своей простоте. Их настроение и интонация — естественны, как дыхание, потому что талант природен. Правомерно рождаются строки Рубцова, в своей глубине родственные тютчевским:

...утром солнышко взойдет, —
Кто может средство отыскать,
Чтоб задержать его восход,
Остановить его закат?..
Вот так поэзия, — она
Звенит — ее не остановишь!
А замолчит — напрасно стонешь!
Она незрима и вольна...
Прославит нас или унизит,
Но все равно возьмет свое,
И не она от нас зависит,
А мы зависим от нее.

Простота подлинного и естественность даются не легко, а достигаются на пути преданного до конца служения — не форме, моде или успеху, — но самой Поэзии. Служа ей, Николай Рубцов добивался редкого — выявления сложного в простом, а это дается только очень талантливым людям. Вот стихотворение «Ночь на родине». В нем зрительный и музыкальный ряды сливаются воедино с рядом душевных движений, в целом образуя богатую лирическую тему — тему единства с Родиной.

Высокий дуб. Глубокая вода.
Спокойные кругом ложатся тени...

Общий набросок картины уже есть — без уточнений, без лирической окраски, и рождается мелодия — тихая, ровная, задумчивая. «И тихо так...» — поэт развивает мотив тишины, в котором чуть-чуть пробивается струйка светлой радости, идущей от миротворящего настроения пейзажа. А пейзаж постепенно детализируется: где-то в легком тумане прорисовались крыши деревенских изб, которые, кажется, никогда «не слыхивали грома», и глубокое ночное небо раздвинулось, поле зрения тоже: «не встрепенется ветер у пруда, и на дворе не зашуршит солома...»

Картина завершена, но в ней еще мало жизни. И вот он, последний штрих, звуковой: «И редок сонный коростеля крик...» Становится ясно, что все видится поэту не безжизненным, а умиротворенным. На этом фоне определеннее ощущается душевное состояние поэта, в которое прорывается тревожная нотка: «Вернулся я — былое не вернется!» Как ни грустно, но ведь это естественно. И все-таки трудно примириться поэту с необратимостью времени. Врачующе действует этот миг, «когда души не трогает беда» и «тихо так, как будто никогда уже не будет в жизни потрясений...». В этом миге уже едины человек и мир. Последним аккордом поэт скрепляет эту связь до полного слияния:

И всей душой, которую не жаль
Всю потопить в таинственном и милом,
Овладевает светлая печаль,
Как лунный свет овладевает миром.

Каждый поэт самостоятельно ищет предмет своего творчества. Традиционность Н. Рубцова, наверное, в том, что в поэтическом мире, освоенном вековыми исканиями, находит он свои черты, и это не есть уход в прошлое от современности. Человек и природа останутся в поэзии навсегда, сохранив свою актуальность. Но время, иногда и вопреки человеку, берет свое. Отсюда тревоги Н. Рубцова за судьбу поэзии:

Теперь она, как в дымке, островками
Глядит на нас, покорная судьбе, —
Мелькнет порой лугами, ветряками —
И вновь закрыта дымными веками...
Но тем сильней влечет она к себе!

Уйти от века нельзя, бесполезно противиться движению времени. Поэт это сознавал: «Железный путь зовет меня гудками, и я бегу», — пишет он, замечая, что ему — «не по себе». Не по себе, потому что утрата поэтического равносильна растрате души. Но разве обязательно, обретая новое, что несет с собою цивилизация, утрачивать ранее обретенное, ставшее дорогим для души и необходимым?.. Мысль для наших дней чрезвычайно актуальная. Так и шел поэт — от традиции к собственному постижению современности. А без этого разве бы пришло к нему по-настоящему заинтересованное внимание читателя...

Идеал Н. Рубцова, к которому поэт стремится, сознавая при этом его недостижимость лично для себя, — размеренная жизнь в мире труда и повседневных человеческих забот. Раскрывается она в стихотворениях «Тот город зеленый...», «Жара», «Острова свои обогреваем», «Жар-птица». Спокойные благожелательные люди дороги поэту своим скромным трудолюбием, приветливостью. Вот он пишет о них, не тая восхищения:

...взгляни —
С какою-то дьявольской силой
Все вынесут люди одни!
И строят они и корежат,
Повсюду их сила и власть.
Когда и жара изнеможет,
Гуляют еще, веселясь!..

И дает эту силу людям привязанность к родному краю, сознание своего места на земле. Потому, как самая важная заповедь, звучат простые и мудрые слова старика-пастуха в «Жар-птице» — ответ на вопрос поэта:

— Так что же нам делать? Узнать интересно...
— А ты, — говорит, — полюби и жалей
И помни хотя бы родную окрестность,
Вот этот десяток холмов и полей...

Помни, хотя бы только помни!.. Рассчитывать на большее, когда человек сорван с места самим движением жизни, просто-напросто не приходится. Большее — это уже только мечта, выраженная в стихотворениях «Ива», «Купавы». Отсюда грусть, которою отмечены многие стихи Николая Рубцова. Поэтому очень хочется ему прорвать круг одиночества («Нагрянули») — ведь он знает, что «весь на свете ужас и отрава тебя тотчас открыто окружают, когда увидят вдруг, что ты один» («Осенние этюды»).

Однако своего одиночества поэт не променяет на бездуховную суетность пустых людей, которую он не принимает («Фальшивая колода»). Привлекает его в людях мудрое спокойствие, сдержанность душевной силы («Последний пароход»), неназойливая благожелательность. И очень характерны строки, посвященные памяти поэта Николая Анциферова:

Он нас на земле посетил
Как чей-то привет и улыбка.

Нравственное кредо Николая Рубцова, определяющее характер отношений с людьми, отчетливее всего выражено в стихотворении «Русский огонек»:

За все добро расплатимся добром.
За всю любовь расплатимся любовью...

Удивительно проникновенны стихи Николая Рубцова о дружбе и любви. Открытая натура поэта проявляется в них просто и непринужденно. Разумеется, драматизм сказался и в этих его стихотворениях. В них заложено самое сокровенное человеческой души, и склад личности поэта выражен с глубокою, затаенною страстью. Не случайно многие из этих стихотворений звучат, как песни, и песнями нередко называл их сам поэт («Песня», «Прощальная песня» и другие).

Жить сложнейшими переживаниями, остро чувствовать трагическое в жизни и переплавлять в душе своей в гармонически пленительные строки стихов — таков был удел поэта Николая Рубцова. Нет, он не выбирал этого направления и не был пессимистом по натуре, поэзия сама его выбрала: «не она от нас зависит, а мы зависим от нее». Талант такого характера требует от поэта-творца огромного душевного напряжения: сурова судьба — «высекать огонь из слова». Но именно в этом — великое счастье, потому что

...труд ума,
Бессонницей больного, —
Всего лишь дань
За радость неземную:
В своей руке
Сверкающее слово
Вдруг ощутить,
Как молнию ручную!

Короткую, трудную, исключительно напряженную жизнь прожил большой русский поэт Николай Рубцов. Сжигаемый поэтической страстью, которая владела им безраздельно, в обыденности был он человеком неуютным. Незнакомым людям мог показаться резким и даже грубым, а не встречая с их стороны взаимопонимания, усугублял это мнение о себе. Мало заботясь о том, какое впечатление производит на окружающих,

он служил им проникновенным стихом честно и преданно.

Идешь, куда тебя влекут
Мечты невольные. Твой труд
Тебе награда...

В этих строках — необходимость для любого поэта и его воля быть самим собой выражены А. С. Пушкиным с предельной ясностью. Н. Рубцов чувствовал на себе власть этой воли и необходимости, понимая, что отдаваясь им, поэт может для людей «оставить наследство не менее нужное, чем хлеб» (А. Блок).

Такое наследие оставлено Николаем Рубцовым; его поэзия нужна людям, она доставит им еще немало мгновений приобщения к высокому и прекрасному.

В. Оботуров.

СОДЕРЖАНИЕ

...И БУДУ ЖИТЬ В СВОЕМ НАРОДЕ!

В МИНУТЫ МУЗЫКИ...

Рубцов Николай Михайлович

ИЗБРАННАЯ ЛИРИКА

Редактор **В. А. Беднов**
Художественный редактор **В. С. Вежливцев**
Технический редактор **Н. Б. Буйновская**
Корректоры: **М. М. Михайлова, А. А. Фонтейнес**

Сдано в набор 19/VII-1974 г.
Подписано к печати 4/X-1974 г.
Формат 70×90/32. (Бумага офсетная).
Физ. печ. л. 5,0. Усл. печ. л. 5,85. Уч.-изд. л. 4,86.
ГЕ00543. Тираж 10000. Цена 62 коп. Заказ 4687.

Вологодское отделение
Северо-Западного книжного издательства,
Вологда, ул. Урицкого, 2.
Областная типография, г. Вологда, ул. Калинина, 3.

Первая книга стихов Николая Рубцова «Лирика» вышла в Северо-Западном книжном издательстве в 1965 году. Через два года «Советским писателем» был издан сборник поэта «Звезда полей». Затем в центральных издательствах вышло еще несколько книг Николая Рубцова.

«Избранная лирика» — третий сборник поэта, выпущенный Северо-Западным издательством. В эту книгу вошли лучшие стихи Николая Рубцова, созданные им в разные годы.

62 коп.

